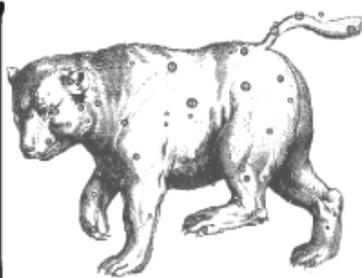

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№ 3 (36) сентябрь — октябрь 2013

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

В номере

НАВСТРЕЧУ

XIV КОНФЕРЕНЦИИ

АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ

УРАЛА:

ДОКЛАД

Н.А. ЯГОДИНЦЕВОЙ С. 5

СОДОКЛАД

Л.А. ЗВОНАРЕВОЙ С. 6–7

СТАТЬЯ

А.О. ШУПОВА С. 8–9

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

С. 2–4

НОВЫЕ КНИГИ:

А. РАСТОРГУЕВ

О ПЕРВОМ ТОМЕ

«ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

УРАЛА» С. 10

А. ЛИХАНОВ О КНИГЕ

«ЗЕМЛЯ РОССИЙСКОГО

ВЛАДЕНИЯ» С. 11

КРИТИКА:

М.РЯБИЙ

О ПРОЗЕ Н. КОНЯЕВА С. 12

СТИХИ

ВЛАДИМИРА ВОЛКОВЦА С. 13

АРСЕНУ ТИТОВУ — 65!

НОВЕЛЛА «ДВАДЦАТЬ

ДЕСЯТОЕ ЧИСЛО» С. 14–15

ОБЪЯВЛЕНИЯ

С. 16

ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ГДЕ ВЫ? АУ!

Фото екатеринбуржца Вадима Осипова на первой полосе БМ — воплощённая мечта всякого писателя: увидеть читателя со своей книжкой в руках.

Сегодня эта мечта стала для современного литератора, живущего в Негода самой читающей стране мира, почти невыполнимой. Даже в столичной подземке, всегда славящейся своими книгочеями, трудно найти человека с обычной книгой в руках. Если читают, то с помощью электронного устройства — ридера. И читают, в основном, люди среднего возраста. Молодые — в большинстве своём сидят в мобильном Ин-

тернете, заняты отправкой смс-сообщений и аськами...

Вспомнился тост одного из классиков советской детской литературы: «Выпьем за наших читателей!» А ведь и вправду, не грех пожелать здоровья нашим молодым читателям и всерьёз задуматься над тем, как пополнить их ряды.

И это — только одна из проблем, стоящих сегодня перед литераторами, пишущими для детей и юношества. Есть ещё нерешённые вопросы с книгоизданием учебной, краеведческой и патриотической литературы. Остро стоит вопрос подготовки

молодых писательских кадров и улучшения качества самих литературных текстов. Конечно, многое зависит от того, будут ли читать книги в семье, вернется ли в нормальное русло преподавание литературы и русского языка в школе, появится ли полноценный экзамен по этим предметам в средней общеобразовательной школе...

Все эти проблемы вынесены на обсуждение XIV конференции Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья, которая состоится в Кирове, и которой посвящён очередной выпуск нашей газеты.

КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ВО ЗДРАВЬЕ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В Каменске-Уральском прошло II Международное совещание молодых авторов, организованное Ассоциацией писателей Урала

Восьмым по общему счету и четвертым в Каменске-Уральском (Свердловская область) стало II Международное совещание молодых писателей, которое вновь организовала и провела 17–19 мая в этом городе Ассоциация писателей Урала (АсПУр). Слушателями шести его семинаров (трех — поэзии, двух — прозы и семинара детской литературы) стали более 70 вступающих в литературу поэтов и прозаиков из 18 регионов России. Руководители семинаров из одиннадцати городов России, Украины и Белоруссии представляли четыре писательских союза — России, российских писателей, Москвы и Беларуси. Не только почетным гостем, но и активным участником совещания стал известный французский филолог-славист, литературовед Рене Герра.

Цифры, говорящие о последовательности действий организаторов и масштабе встречи, передают лишь ее внешние очертания. Несмотря на, казалось бы, разнородность представленных писательских объединений, за одиннадцать лет (первое прошло в 2002 году) у проводимых АсПУр совещаний вполне определилась и содержательная позиция. Очевидно, именно она является основой для поддержки, которую оказывают инициаторам региональные и местные власти — мирские и духовные.

Во всяком случае, выступающие на официальном открытии совещания в подходах и оценках были практически едины. Напомнив об истории Каменска-Уральского, который ведет ее с первой чугунной пушки, отлитой в 1701 году, и является колыбелью уральской металлургии, глава города Михаил Астахов отметил, что именно история — славная и трагическая — является основой для воспитания настоящего гражданина. О необходимости сохранять традиционное для русской литературы и по-прежнему необходимое сегодня стремление к духовной высоте и единству говорил министр культуры Свердловской области Павел Креков. Об ответственности за каждое, тем более зафиксированное слово напомнил глава недавно созданной Каменской и Алапаевской епархии РПЦ владыка Сергей.

Передав приветствие от руководителя СП России Валерия Ганичева, его сопредседатель, известный прозаик Николай Иванов вспомнил о знакомом литейщике, который, набирая мастерство методом проб и ошибок, неизменно разбивал неудавшиеся изделия, не желая, чтобы в небо ушел хоть один фальшивый звук. Пример оказался уместным как образно, так и впрямую — с некоторых пор отлитые в Каменске-Уральском колокола славятся по всей России.

Сопредседатель Союза российских писателей Арсен Титов пожелал всем участникам совещания достигать созвучия с языком народной души, а секретарь Союза писателей Беларуси Сергей Трахименок как ученый подчеркнул, что именно

целостность духовной культуры гарантирует восстановление любой пошатнувшейся социальной системы. О традиции государственного служения отечественной литературы высказался сопредседатель СПР, координатор АсПУр Александр Кердан.

Преемственность в новом временном контексте как главное свойство новой русской литературы отметила поэт и культуролог Нина Ягодинцева. О традициях нравственности говорила поэт Валентина Ерофеева-Тверская. Сохранить через годы верность своим идеям пожелала участникам секретарь СП Москвы, литературный критик Лола Звонарева.

Отвечая классику русской литературы для детей Владиславу Бахревскому, который с горечью посветовал на умирание русского литературного языка, известный критик Леонид Быков высказал убеждение, что сегодня на этом языке публикуются не менее значительные произведения. Однако время, когда вся страна читала одну и ту же книгу, уже не вернется, а вот союз читателей надо всеми силами укреплять.

О том, что глобализация портит не только русский, но и все другие языки, собравшимся напомнил главный редактор журнала «Славянин», выходящего в Харькове, Леонид Мачулин. А еще один сопредседатель СПР, известный орловский поэт Геннадий Попов подвел черту, заявив: «Бывали времена и похуже. Панихида по русской литературе отменяется...»

Начавшиеся затем и продолжавшиеся до конца второго дня семинары, несмотря на естественное для более глубокого обсуждения многоголосье, стали вполне весомым аргументом за здоровье. Сдержанным, но все-таки оптимизмом оказался отмечен круглый стол «Современная русская литература в контексте мировой культуры», где шла речь о потенциале и перспективах развития отечественной литературы в регионах и масштабах всего Русского мира.

Убедиться в наличии перспектив смогли и горожане. В Центральной городской библиотеке Каменска-Уральского прошла презентация книги Л. Звонаревой «Серебряный век Рене Герра», а завершили совещание сразу несколько встреч участников и руководителей семинаров с читателями, также прошедшие в библиотеках.

В принятой по итогам резолюции организаторы совещания и руководители семинаров отметили возросшую результативность работы писательских организаций России, Украины и Белоруссии по созданию благоприятных условий для развития творчества молодежи. Особо была подчеркнута поддержка этой деятельности со стороны органов власти Челябинской, Свердловской, Кемеровской, Омской и Оренбургской областей, а также Алтайского края. К приему в СПР были рекомендованы поэты Денис Барамзин (Киров), Сергей Ивкин (Екатеринбург), Руслан Кошкин (Киров), Оксана Ралкова (Челябинск), Елена Раннева (Челябинск), Юлия Сливина (Кемерово), Владимир Соловьёв (Уфа) и Евгений Черников (Каменск-Уральский).

Андрей РАСТОРГУЕВ

ЕКАТЕРИНБУРГ

ЮБИЛЕЙ МАРАФОНА

Екатеринбургский поэтический марафон отмечает 10-летний юбилей. Проект оказался настолько востребован, что собирает каждый год около пятисот стихотворцев. Поучаствовать в марафоне может любой пишущий стихи человек независимо от возраста, профессиональной подготовки, социального статуса, образования и места проживания. Темы марафона — каждый год разные. Вот, например, марафон «Поэзии единым языком», где звучали авторские стихи на двенадцати языках, или межконфессиональный христианский марафон, где католики, православные и протестанты читали стихи о Боге. Проводились марафоны для детей, для ветеранов и инвалидов, марафоны, посвящённые Италии и Франции, очень добрый и светлый «Семейный марафон», где члены многодетных семей читали стихи собственного сочинения. Выездные марафоны побывали в семи городах Свердловской области: в Полевском, Каменске-Уральском, Нижнем Тагиле, Красноуфимске, Талице, Берёзовском и в Реже. В них приняло участие более девятисот человек. Запомнился марафон «Городская просодия»: стихотворцы из семи районов Екатеринбурга представили своё творчество в Доме писателя. Марафон в онлайн-режиме объединил поэтов из Перми, Челябинска, Екатеринбурга и Тюмени.

В разные годы в марафоне принимали участие авторы из США, Монголии, Якутии, Башкортостана, Удмуртии, Ханты-Мансийского округа, Москвы, Санкт-Петербурга и из других городов и весей. На одном из самых многочисленных марафонов выступили поэты из 63 населённых пунктов. Я думаю, что этот факт сам за себя говорит. С 2012 года проект курируют Екатеринбургское отделение Союза российских писателей (председатель Арсен Титов) и Ассоциация писателей Урала (координатор Александр Кердан). «Поэтический марафон» переименован в фестиваль «Поэтическое единство». Название изменилось, но концепция осталась прежней. И надо полагать, что этот проект будет жить долго!

Светлана НАДЬ

БОЛЬШЕРЕЧЕНСК, ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

МАКАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2013

15–16 сентября состоялись очередные Макаровские чтения. Глава Большереченского муниципального района Василий Майстепанов, открывая мемориальную доску поэту, подчеркнул, что дом поэта должен стать точкой притяжения для творческой молодежи, сообщил, что здесь будет открыт литературный музей. Председатель Правления Омской областной организации Союза писателей России Валентина Ерофеева-Тверская поблагодарила земляков поэта за их вклад в увековечивание памяти Владимира Макарова. Участники митинга высадили молодые кедры возле дома поэта.

В районном Доме культуры вручили премию имени Владимира Макарова. Её лауреатами в этом году стали Татьяна Четверикова и Степан Распопин. Так же были вручены ценные подарки и книги победителям литературного и художественного конкурсов, которыми стали школьники средних общеобразовательных школ № 1 и № 2, Шипицинской средней школы и члены Тарского поэтического клуба «Вечера на Александровской».

Людмила КАЗАЧЕНИНА

КОСИХА, АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

ПРОШЛИ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ

28 июня на родине Роберта Рождественского участники выездного Пленума Союза писателей России и другие гости приняли участие в VII краевых Рождественских чтениях.

Участники чтений побывали в мемориальной библиотеке и музее имени поэта. Затем на Яре Любви состоялись традиционные фестивали — межрайонный песенный «Песни главные есть в судьбе любой» и поэтический «Надо собственной жизнью доказать свои стихи». В поэтическом фестивале приняли участие известные поэты России Геннадий Иванов, Константин Скворцов, Валентина Ерофеева-Тверская, Александр Кердан, Нина Ягодинцева, Борис Бурмистров и другие.

Рождественские чтения стали по-настоящему народным праздником — на фестиваль прибыли 17 делегаций городов и районов Алтайского края, 11 сельских поселений Косихинского района. Почетными гостями фестиваля стала Татьяна Рождественская, жена младшего брата поэта, а также Губернатор Алтайского края Александр Карлин.

Александр Карлин в приветственном слове напомнил, что на протяжении двух дней в Алтайском крае проходил семинар-совещание молодых литераторов Сибири. «Молодые творцы в чем-то учились друг у друга, дискутировали, обменивались опытом, делились планами... Эта работа свидетельствует о том, что творческий потенциал в нашем народе, в нашей российской общности велик. Русский язык и русская литература являются объединяющим началом. Опора на это наследие, развитие этого наследия, чем и занимается Союз писателей и творческая молодая его часть, — это залог успешного решения многих задач социально-экономического развития страны в целом и Алтайского края в частности. Русская литература свою миссию воспитателя, вдохновителя несет и сегодня. Я считаю, что несет эту миссию — тяжелую и ответственную — достойно. Мы убеждаемся в этом, знакомясь с вашими произведениями, которые в большинстве своем отвечают высоким литературным стандартам», — подчеркнул глава региона, обращаясь к писателям. В ответном слове Валерий Ганичев заверил участников фестиваля, что писатели России сделают всё для сохранения и развития родной словесности.

Соб. информ.

КИРОВ

НОВЫЙ ГРИНОВСКИЙ ЛАУРЕАТ

Лауреатом Российской литературной премии имени Александра Грина признан Спиридон Вангели, народный писатель Молдавии, лауреат Государственной премии СССР. Торжественная церемония награждения состоялась в областной библиотеке для детей и юношества им. А.С. Грина.

Вручая награду, губернатор Кировской области Никита Белых отметил, что имя великого романтика Александра Грина навсегда вошло в историю отечественной и мировой литературы и в историю края. Хорошо знакомые всем с детства произведения писателя — настоящая школа жизни. Его герои учат преодолевать нелегкие обстоятельства судьбы, любить и быть достойными любви, учат добру и справедливости.

14 лет подряд премия им. Грина вручается авторам литературных произведений, посвященных и адресованных детской и юношеской аудитории. В разные годы её лауреатами становились известные писатели и поэты: Владислав Крапивин, Ирина Токмакова, Александр Кердан, Валерий Воскобойников, Виктор Потанин и др. Глава региона подчеркнул, что вдохновителем и попечителем премии является Почетный гражданин Кировской области, первый лауреат премии, председатель российского детского фонда Альберт Лиханов.

Обращаясь к новому лауреату, Никита Белых сказал: «Вы прошли долгий путь от сельского учителя до признанного писателя, чьи произведения были переведены на многие языки, пользовались и продолжают пользоваться популярностью. Не одно поколение жителей разных стран знает одного из ваших литературных героев — мальчишку Гугуца. Читают о его приключениях и нынешние дети. Ваш вклад в развитие детской литературы сложно переоценить, он отмечен высокими государственными наградами, теперь к этим наградам добавляется и премия А.Грина. Мы хотим, чтобы эта награда вдохновляла вас на продолжение творческой деятельности».

В ответном слове Спиридон Вангели заметил, что тронут такой оценкой его труда: «Никак не думал, что приеду в замечательный город Киров, на родину А.Грина, произведения которого я знал еще с юношества. Их особенность в том, что, прочитав один раз, помнишь всю жизнь. Главная ценность его литературы в том, что в трудные минуты понимаешь — обязательно придет миг радости».

Писатель поблагодарил губернатора и учредителей премии за награду. Он отметил, что писать для детей и юношества очень сложно, потому что книги одновременно должны быть понятны, интересны и увлекательны не только детям, но и взрослым, должны учить ребёнка мыслить. Спиридон Вангели подарил Губернатору серебряную монетку, выпущенную в Молдавии в честь его литературного героя Гугуца. Особенностью нынешней церемонии стал тот факт, что она совпала с Днём Романтики, специально учреждённым правительством области.

Александр БОРИСОВ

КОРКИНО, ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

ПИШУ, КАК ДЫШУ...

В городе горняков состоялся шестой областной фестиваль поэзии «Уральская лира». Открыли его во Дворце культуры «Горняк» Глава Коркинского муниципального района Геннадий Усенко, начальник районного управления культуры Лариса Фролова и поэт, почётный гражданин Коркино Александр Кердан.

Праздник поэзии, организаторами которого стали министерство культуры Челябинской области, администрация Коркинского района, областной центр народного творчества, челябинское отделение Союза писателей России, районное управление культуры и ДК «Горняк», действительно состоялся! Его участниками стали поэты из Коркино, Озёрска, Миасса, Златоуста, Карталов и других территорий.

Строгое жюри в составе писателей Николая Годины, Александра Поповского, Вячеслава Саломатина и Тюнькина назвало победителей. В номинации «Аистёнок» первое место получила Лушниковна Мария (Карталы), второе место — Екатерина Крупышева (Коркинский район), третье — Дарья Гладковская (Карталы). В номинация «Молодые голоса» решено было присудить только второе место. Оно досталось Людмиле Антипенко из Карталов. И наконец, в номинации «Окрылённость» лидером творческого забега стала Каринэ Гаспарян из Миасса, на втором месте — Владимир Дырин из села Агаповка, на третьем — Марина Лукашенко из Карталов.

Александр ПОПОВСКИЙ

ЕКАТЕРИНБУРГ

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ

14 сентября сего года в Камерном театре уральской столицы состоялся вечер-концерт известной исполнительницы русского романса, лауреата международных и всероссийских конкурсов и премий, солистки концертной группы Ассоциации писателей Урала Яны Чабан, посвященный 30-летию творческой деятельности певицы.

В программе приняли участие композиторы Александр Пантыкин, Сергей Сиротин, Наталья Иванчук, пианисты Платон Газелериди и Елизавета Шубина. Прозвучали старинные и современные романсы, песни на украинском и польском языках, стихи, посвященные имениннице.

Поздравить Яну Чабан с творческим юбилеем пришли сотрудники Аппарата Полномочного Представителя Президента России в УФО, управления культуры города Екатеринбурга, представители различных творческих союзов. Вёл вечер заслуженный работник культуры РФ, поэт Александр Кердан.

Анна АРЕФЬЕВА

НИЖНЕВАРТОВСК, ХМАО

ПО ЖИЗНИ УВЕРЕННО ШЁЛ...

На доме № 23 по улице Мира установлена мемориальная доска в память о писателе Николае Смирнове, прожившем здесь последние годы.

На открытии пришли представители администрации города, писатели, работники культуры и просто читатели, любящие творчество земляка.

Писатель был тесно связан с Севером, всегда был в гуще событий. Главные герои его произведений — нефтяники, строители Самотлора, о нелёгком труде которых

Николай Смирнов знал не по наслышке. Николай Смирнов жил литературой. Именно он организовал содружество писателей Нижневартовска, стал инициатором выпуска газеты «Литературный Нижневартовск» и альманаха «Самотлор». У него осталось много учеников и последователей, и у каждого на торжестве нашлись тёплые слова об учителе и старшем товарище. В память о писателе прозвучали стихи из его сборника «Журавлиная родина» и авторская песня Сергея Абрамова «Северяне», рассказывающая о непростой жизни писателя.

Ирина ЧЕРЕПАНОВА

НИЖНИЙ ТАГИЛ

ДЕТИ И КНИГИ

В Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии прошла VI Всероссийская научно-практическая конференция по теме: «Детская книга. Радости и горести школьной поры». В конференции приняли участие педагоги, библиотекари. Союз российских писателей представляли Светлана Лаврова и Андрей Щупов. Особое оживление вызвало выступление В. Турчаниновой «Учебная книга в начальной школе» с подробным анализом состояния современных школьных учебников. Андрей Щупов прочитал доклад по теме: «Запретные темы в детской литературе», где остановился на проблеме цензуры в литературе детской и литературе вообще. В выступлениях других участников конференции был охвачен широкий круг вопросов, включающий проблематику современной школы, сегодняшний статус и предназначение школьных библиотек, роль и возможности писателей России по сохранению русского языка и родной культуры.

Олег РАЙН

МАГНИТОГОРСК

РУЧЬЁВУ – 100 ЛЕТ

В канун 100-летия поэта открылись Ручьёвские чтения в краеведческом музее города Metallургов. Их открыл приехал глава администрации города Евгений Тефтелев:

— Без поэзии Бориса Александровича Ручьёва, без творчества других наших любимых поэтов мы были бы духовно беднее, — сказал он.

Начальник управления культуры Александр Логинов рассказал, что в подготовку праздника поэзии внесли свою лепту сотрудники музеев, библиотек, многие творческие коллективы. Прошло гашение почтовых открыток, которые тут же разошлись по рукам, состоялась викторина на лучшее знание творческой биографии поэта, а во время праздника победителям конкурса вручили дипломы и ценные подарки.

Волнующим было выступление поэтессы Риммы Дышаленковой.

После встречи в музее участники праздника проехали на площадь им. Серго Орджоникидзе. Здесь состоялось торжественное открытие звезды поэта. Народный хор исполнил прекрасную песню о металлургах. И снова звучали вдохновенные строки поэта в исполнении Александра Сергеева, которые горожане встретили горячими аплодисментами.

Глава администрации Ленинского района Вадим Валентинович Чуприн поднёс факел к запалу пиротехнической пушки. Громко прогремел залп, и в небо взлетели десятки воздушных шаров.

Участники чтений возложили цветы на могилу Ручьёва. А завершил юбилейные мероприятия литературно-музыкальный концерт, который состоялся у памятника Первой палатке.

Анатолий БЕЛОЗЁРЦЕВ

На снимках автора: 1. Глава администрации Магнитогорска Е. Тефтелев. 2. Еткульские школьники выступают на открытии звёзды поэта. 3. Участники праздника у Ручьёвской палатки.

Нина ЯГОДИНЦЕВА: ВЗРОСЛЫЕ МИФЫ О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Говоря о детской литературе, мы так или иначе говорим о будущем — и о своём в том числе. Всё предельно просто: литература формирует сознание, сознание преобразует реальность. Просто — и в то же время сложно: ведь мы сами с окружающим миром состоим в довольно сложных отношениях, и перспективы общего бытия представляем себе не столь ясно, сколь хотелось бы, и тем более не столь радужно, сколь надо бы — так что же передавать детям вместе с искренним пожеланием счастья? А ещё и литература все более вытесняется продвинутыми информационными технологиями, играющими сегодня существенную роль в формировании детского сознания. Кроме того, наше щедрое на мифологиемы время немало потрудились и в мире детства — вот с мифов мы и начнём.

Широко распространено убеждение, что дети сейчас другие — они больше знают, чем мы в их возрасте, у них в лучших друзьях телевизор и Интернет, их трудно чем-то удивить, а вот они своими познаниями легко могут привести в замешательство и смущение взрослого человека... Поэтому для детей нужно писать по-другому, не так, как прежде. Это правда ровно настолько же, насколько и ложь. В художественной литературе (как и в реальной жизни, между прочим) информационная составляющая второстепенна, гораздо важнее — чувственно-эмоциональная сторона, без которой воспитание человеческого в человеке невозможно в принципе.

В изнанке данного мифа обнаруживается колоссальная проблема. Да, современные дети достаточно свободно ориентируются в море информации, но, во-первых, она в очень незначительной степени становится знанием (то есть частью внутреннего мира ребёнка), во-вторых, детям остро не хватает культуры эмоционального переживания и сопереживания — именно эту культуру и воспитывает хорошая литература. А в-третьих, обманчивая доступность информации очень быстро взращивает в человеке душевную лень.

Пойти в библиотеку и покопаться на книжных полках или кликнуть мышкой в Яндекске — а вы сами что выберете? Если без лукавства — то, конечно, Яндекс. Но — обратите внимание! — ценить полученное вы будете не больше, чем на этот самый «мыший клик». Зачем запоминать, если в любое время можно выйти в Интернет и отыскать всё, что угодно? Зачем перечитывать старое, если жизнь стремительно идёт вперёд? Зачем кому-то сопереживать и что-то осмысливать, если через десять минут вы получите новую порцию свежих любительных сведений, сенсаций, сплетен? Так постепенно исчезает глубина восприятия, обнуляется память, знание обесценивается. Информационные «удобства» уже оборачиваются большой бедой, а мы только-только начинаем понимать, насколько детям сейчас труднее, чем было нам в их возрасте.

Ещё один распространённый миф о детях — твёрдое убеждение, что, что их надо развлекать. Да, конечно, детская литература должна быть прежде всего

интересной, но в стремительном развитии ребёнка каждый период имеет свою генеральную задачу: вначале это изучение языка общения (и оно начинается именно с эмоций), элементарное познание мира, затем вовлечение в общение и сопереживание, потом активное формирование картины мира и культурных кодов, на основе которых ребёнку предстоит выстраивать отношения и искать взаимопонимания в обществе. А позже — своеобразное испытание смысловой конструкции личности «на прочность», «проверка мыслей и чувств». Причём каждый последующий этап включает в себя предыдущие, и процесс постижения мира многократно усложняется.

Развлечение актуально для взрослых, застрявших в колее обыденности, в узком круге бытовых (ну или производственных) проблем. Детям развлекаться некогда — каждый день напряжённо готовит их к будущей деятельности, формирует личность и проверяет её на прочность. Развлечение же воспитывает потребителя. И если взрослому после развлечения волей-неволей приходится возвращаться в привычную колею, которая его всё-таки держит в рамках суровой реальности, то ребёнку возвращаться некуда — и он потом развлекается или ищет развлечений всю жизнь. Детская же литература должна быть увлекательной — увлекать в реальный мир, раскрывать его тайны и загадки.

Следующий миф — постоянная потребность в новизне. Мы забыли, что детство — это игрушки любимые, а не каждый день новые, это бесконечное повторение незатейливых игр, главные из которых «дом» и «войнушка» (освоение базовых смысловых моделей построения своего мира и его защиты, с чётким распределением гендерных ролей), это книжки — залистанные, с подклеенными переплётками, зачитанные до дыр, это любимые герои, вполне для ребёнка реальные...

Стремительный поток информации, в который мы бросаем малыша с первых лет его существования, не даёт возможности формирования устойчивых психических структур личности, и в результате мы получаем нечто аморфно-инфантильное, безвольно плывущее по течению, не отвечающее даже за свою жизнь, не говоря уже о близких, коллективе, Родине. Не новизна, а глубина, в которую ребёнок может погрузиться при перечитывании книги требуется от детской литературы.

Есть и ещё одна ловушка, которую мы благополучно прозевали. Принято считать, что детям законы реальности лучше всего постигать и осваивать в игровой форме. Это правда, но далеко не вся. Мы упустили один из главных параметров игры — степень её серьёзности, необходимость постепенного увеличения доли реальности в предлагаемых обстоятельствах.

Благодаря компьютерным играм и разного рода телевизионным реалити-шоу граница между игрой и реальностью опасно сместилась, породив виртуальный мир и втянув в него целые поколения. В виртуальном пространстве

— будь то компьютерная «стрелялка» пятидесятого уровня или отвязанное фэнтези — чувство реальности исчезает полностью, а сама реальность вокруг усложняется год от года и технологически, и психологически.

Это, пожалуй, не только мифы, самые опасные для детства, но и проблемы взрослые, глобальные, решаемые далеко не вдруг. Детской же литературе необходимо как-то обходиться с ними здесь и сейчас, потому что «завтра» найдётся очень близко, и кое-что из вышеописанного уже приносит свои очевидные горькие плоды.

Нам нужно помнить, что у детей в принципе более сложная система критериев для оценки реальности, и в этом они, безусловно, превосходят нас. Но в то же время не наработаны формы взаимодействия с этой реальностью и нет опыта их использования, нет культурного кода, который позволяет находить широкое взаимопонимание с другими людьми, нет культуры переживания высоких и сильных чувств и сопереживания этим чувствам. Вот это и должна последовательно давать ребёнку детская литература.

Обозначив ложные представления о детской литературе, давайте обозначим и реальные требования к ней. Первое: литература для детей должна быть чётко, выверенно нравственной. С первых строчек — помните: «Зайку бросила хозяйка, под дождём остался зайка. Со скамейки слезть не мог — весь до ниточки промок»? — формируются ценностные ориентиры ребёнка, и если мы маленькую личность с не устоявшейся ещё системой ценностей начинаем втягивать в сомнительные взрослые эксперименты с нравственностью — трагический результат сказаться не замедлит.

Второй немаловажный момент: понятие «детство» включает в себя целый ряд возрастных периодов, сильно друг от друга отличающихся, как уже было сказано выше, и если для маленьких так или иначе пишут многие, то для подростков настоящей художественной литературы трагически не хватает. Это и понятно — нужно иметь большое мужество, чтобы в нашем растерянном, не понимающем себя самого мире серьёзно говорить о жизни с почти уже взрослыми детьми.

Третий момент: литература как самая точная наука о жизни учит в первую очередь глубококому пониманию реальной жизни. Она предлагает одному читателю самые разнообразные жанры — от сказки до фэнтези, но и тут оказался почти уже забытым важнейший принцип: ложь в форме ради истины в содержании. То есть все фантазийные элементы — место действия, сюжет, герои, обстоятельства и пр., — служат для более яркого и убедительного утверждения вполне реального смысла. Фантазия ради фантазии, так распространённая сегодня, возвращает ум и воображение, отдаляет от насущной жизни — то есть наносит реальный вред маленькому человеку.

Четвёртый момент, пожалуй, требует более пространственных объяснений. Уровень литературного диалога с ребёнком всегда должен быть достойным — будь

то приключения Колобка или рассказы о детях на войне. Но всё чаще наблюдается иное: вполне взрослые авторы, не доигравшие, видимо, в своё время, вдруг начинают писать как бы «для детей», а на самом деле для себя, с позиции уже взрослого опыта. Такие игры со смыслом обычно пронизаны иронией или сарказмом, они изображают мир и людей в нём карикатурно, даже свысока и с презрением. Комплексы взрослых понятны — но почему это адресовано детям? Это, кстати, принцип большинства американских мультфильмов: очевидная карикатурность персонажей, воспитывающая у зрителя чувство превосходства над окружающими.

Тут же обнаруживается и вторая крайность — стихи и сказки, которые пишут своим внукам бабушки и дедушки, ну или просто почтенные дамы, решившие, что у них это очень хорошо получается: серьёзное — ну никак, а вот для детей — запросто... Сегодня такие книги издаются в огромном количестве, но подавляющее большинство из них по сути не выходит за пределы «домашней радости». Если в первом случае нас категорически настораживает цинизм, то во втором сразу бросается в глаза беспомощная слащавость, и обе беды детству равно противопоказаны.

И, наконец, пятый момент: литература для детей должна формировать начальный культурный код, основу общественного взаимопонимания. Это значит не «больше детских книг!», а широкое распространение лучших: нужно, чтобы их читали и обсуждали в семье, чтобы образы, мотивы, судьбы героев были полем взаимопонимания. На это должны работать журналы, книжные серии «для семейного чтения»...

Всё это говорится вовсе не ради того, чтобы «тащить и не пущать». Мы живём в очень жёсткое время обесценивания и подмен, и если что-то видим и понимаем в нём, то именно благодаря усвоенным в детстве основам. Каким будут воспринимать мир наши дети? — вопрос остаётся открытым. Диалог с детством надо вести очень серьёзный, это всё больше чувствуют и родители, и писатели. Многие родители хотя бы по диагонали перечитывают книги для своих детей, понимая, что сегодня далеко не всякое чтение полезно. А писатели — особенно из поколения 40-летних — всё чаще решаются на серьёзный глубокий разговор с юным читателем: о жизни и смерти, любви и ненависти, подвиге и предательстве... Это обогащает, потому что у нас прекрасные собеседники.

Лола ЗВОНАРЁВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ В НОВЕЙШЕЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РОССИИ

Все заметнее становится сознательная установка современных детских писателей на семейное чтение. Основной проблемой детской прозы последних лет стал кризис внутрисемейных отношений (характерно название сказки психолога И. Вачкова «В королевстве разорванных связей»). Одна из смешных, на первый взгляд, новелл К. Драгунской «Разные взрослые» (недавно вышла ее новая книга «Мужское воспитание») заканчивается драматическим исповедальным признанием: «Сердьясь на меня, мама грозилась отдать меня в интернат или умереть... И всякий раз, когда она долго не приходила с работы, я боялась... Ну, она, наверное, просто куда-нибудь заходила после работы. Туда, где весело и интересно... Я раздражала ее самым фактом своего существования рядом. Особенно на отдыхе в Прибалтике, где много знакомых, мама придиралась ко мне... Мама начала встречать Новый год со мной, когда стало больше не с кем. А мне это было уже не нужно. Мы с ней как-то разминулись. Просто разминулись, и все. Люди, дружите со своими детьми с детства!».

Лучшие сегодняшние писатели помогают родителю понять ребенка. Миф о счастливо-безоблачной поре детства разоблачают писатели среднего поколения, показывая, как тонко и глубоко ощущает юный человек окружающий его дисгармоничный мир. «Люди редко бывают счастливы в детстве. Детство — трудная и несчастливая пора в нашей жизни. И это нормально. Пока тебя начнут принимать за человека, пока ты сам кое-чему научишься, пройдет немало ужасных дней и ужасных ночей», — доверительно сообщает читателю вспоминающий собственное детство Б. Минаев — автор повести в рассказах «Чужие ребята».

Наиболее популярный прием в современной прозе для семейного чтения — исповедь, повествование от имени ребенка, помогающее объяснить юному существу мотивы поведения родителей. В другом случае предлагается модель полного, безусловного взаимопонимания в рамках одной семьи — рассказы О. Кургузова, проза М. Москвиной, познавательная книга Г. Юдина о том, как

устроено человеческое тело — «Главное чудо света», построенная как диалог отца с сыном. Эти писатели пытаются разрушить невидимую стену, отгораживающую мир взрослых от мира детей.

Из авторитетных прозаиков старшего поколения, в первую очередь, А. Лиханов не боится обсуждать с ребенком и его семьей самые сложные современные проблемы — столкновение славянского и восточного менталитетов в сегодняшней отечественной реальности (роман «Слётки»). Уже в названиях произведений известного писателя — образ-символ, клеймящий бессердечное общество взрослых, предавших своих детей. Герои романа Лиханова «Никто» безымянные и не существующие для успешных и равнодушных людей дети, запертые в детских домах и интернатах, чтобы завтра стать заключенными, пациентами психбольниц или бомжами.

Словно бросая вызов любителям гендерных разделений, А. Лиханов в последние годы обратился к жанру двойного портрета: повесть «Мальчик, которому не больно» — о внезапно оставшемся без родных и попавшем в интернат мальчике-инвалиде, каких в современной России сотни тысяч, дополнена повестью «Девочка, которой все равно». Ее героиня — пережившая насилие отчима малышка.

Сегодня голос писателя слышен во всем мире — в приложении к выходящей в Нью-Йорке газете «Русская Америка» переизданы повести А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» и «Девочка, которой все равно», недавно, как и роман «Никто» изданные на польском языке в Варшаве. В Гданьском университете и Варненском институте повышения квалификации учителей прошли конференции, посвященные творчеству писателя, с участием ученых, педагогов и литераторов из разных стран. Презентация 15-томного собрания сочинений Альберта Лиханова состоялись не только в Кирове, Калининграде, Белграде, Москве, Архангельске, Березниках Пермской области, но и в Вене, Братиславе, Париже, Варне, Софии, Магнитогорске, в Эрджийском университете в центральной Турции.

В прозе для семейного чтения пи-

сателей младшего поколения больше всего волнует конфликт независимой личности с обывательской средой, дисгармонизм общественных отношений переоценка роли и места женщины в социуме, неприятие как антисемитизма, так и тоталитаризма. Против мешанского восприятия и травли тех, кто не похож на тебя, выступают герои-подростки повести молодого прозаика Д. Вильке «Шутовской колпак», выросшие в театре и не желающие прятать свое лицо за удобной для окружающих маской. Об умении противостоять давлению школьного начальства, защищая друзей и отстаивая личную независимость, размышляют герои повести минских прозаиков А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее», выдержавшей шесть переизданий. В то же время минским писателям не удается избежать облегченного разрешения конфликта, объясняемого их позитивной задачей. Похожую ситуацию с травлей ребенка-школьника педагогами-атеистами лет десять назад описал А. Варламов в повести «Звездочка», где события развивались гораздо драматичнее и психологически убедительнее.

А. Жвалевский и Е. Пастернак выпустили в серии «Время — детство!» несколько оригинальных книг о жизни современных подростков: это история одного учебного года в рассказах об учениках одного 7-го класса «Типа смотри короче» и повесть «Я хочу в школу!», умело воссоздавая слэнг сегодняшних школьников и открывая подростковую субкультуру изнутри.

Почти обязательное качество современной прозы для семейного чтения, — её особая улыбка. Она навсего пронизана юмором, последовательно привлекаются и используются все его оттенки — от добродушной иронии до сарказма. Московский прозаик Ю. Нечипоренко, автор сборника рассказов для детей «Смеяться и свистеть» (отмечен премией А.Дельвига) и двух биографических исторических повестей — о Гоголе («Ярмарочный мальчик») и о Ломоносове («Наставник царям») стал инициатором создания серии книг современных отечественных детских писателей «Для тех, кому за десять» в издательстве «Жук».

Среди авторов этой серии — сказочник и московский уралец С. Георгиев, выпустивший в ней книгу «Собаки не ошибаются», объединившую 42 коротких новеллы — веселых, смешных, философских из детства автора «Шуршиков», «Пузывочек», сказок о фельдмаршале Пулькине. Ему явно удалось подружиться со своей дочерью Танюхой. Он

умеет смотреть на мир ее глазами — «из детства», потому что одна из его книг называется «Коржики»: именем ее кумира — новенького из 2-го «б»: «Знаешь, папа, на кого он похож, этот Коржиков?... На тебя, когда ты был маленьким! Я тебя маленького таким как раз и представляю!»

Есть среди современных пишущих для семейного чтения авторов писатель, убежденный, что именно Любовь способна помочь преодолеть все сложности современной жизни. Литературовед И. Арзамасцева объясняет это тем, что М. Есеновский принадлежит к поколению рожденных в 60-е: «Он из тех, кого воспитали как маленьких принцев — красивые мамы, добрые бабушки, первые космонавты. Из тех, кого научили жить в любви. В прозе Есеновского заораживают переходы от рациональной игры к интуиции, от фантазии к логике... Ирония Есеновского горчит по-взрослому, вера в любовь младенчески нежна».

Воспитать у читателя новое экологическое сознание, пробудить в душе юного человека ощущение глубинной связи с природой — с любой невзрачной птахой, с крохотной бабочкой — способна проза А. Дорофеева, в этом году выпустившего в серии «Для тех, кому за десять» сборник рассказов «Божий узел». Его книга рассказов для детей и взрослых «Веретено» заканчивается удивительно: «Бабочка на подоконнике повела усами, очухавшись, затрепетала и вспорхнула. Взмахнув, смежила плотно крылья, и — сквозь закрытое окно... Да так и мы за ней со временем — куда захочет дух наш, туда и пойдем, взирая лицом на все четыре стороны, где никаких границ, и только лишь миры, переходящие из одного в другой, бесконечные, как раз на взмах Господнего крыла».

Основным инструментом освоения духовного пространства посттоталитарной России стал жанр литературной сказки или его варианта — фэнтези. В детской литературе оказался востребованным весь спектр традиций — от древнейшей, фольклорной сказки до жанра православного сказа, от традиций А. Погорельского и А. Одоевского до Д. Хармса, Е. Шварца и Ю. Ковалева. Этим можно объяснить многочисленные тиражи книг таких разных сказочников, как православный писатель и художник Г. Юдин, автор познавательных-приключенческих сказочных повестей В. Постников, автор более пятидесяти книг, или московская писательница М. Москвина, пришедшая в литературу из журналистики, опираясь на художественный опыт Ю. Ковалева, Ю. Сотника, Я. Акима.

Освоение духовного пространства новым поколением происходит с обя-

зательной опорой на традиционные для данной культуры и менталитета семьи мифы. В России идет активное возрождение, реставрация «дореволюционной мифологии» — в этом участвуют детские писатели. В круг семейного чтения возвращаются проникновенные образцы благочестивого детства, ориентированного на духовные ценности, предлагаемые в рассказах и повестях о православных святых, написанных на житийном материале писателями В. Воскобойниковым, С. Махотиным, А. Ефремовым (сборник «Рассказы о православных святых»), Г. Юдиным, Е. Григорьевой, Н. Алеевой в сериях «Твое святое имя», «Святые России», «Душа России», «Спаси и сохрани».

Современный ребенок осваивает духовное пространство в условиях напряженной идеологической борьбы различных систем ценностей, и важно, на наш взгляд, не втягивая его в эту борьбу, научить его самостоятельно ориентироваться в сложном современном мире. И лучше всего здесь работает опять-таки сказка. Это понимают и используют даже правозащитники, знающие отечественную литературную традицию. Так, детским писателем А. Усачевым, автором более ста книг для детей, на языке сказки малышу была рассказана Декларация прав ребенка. Так родилась сказочная повесть «Приключения маленького человека».

В последнее десятилетие современный жанр сказки как более интересное чтение в кругу семьи доказал способность стремительно меняться и развиваться, откликаясь на духовные и интеллектуальные потребности времени. На смену познавательной сказке приходит сказка ОБУЧАЮЩАЯ. Такое уже случалось в истории европейской детской литературы — бессмертная книга С. Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями» задумана автором как учебник географии. Потому так часто переиздают «Букваренок» Г. Юдина, впервые вырвавшийся из пут цензуры в 1980 году и построенный на забавных сказочных миниатюрах, в которых в шутовом игровом контексте все время повторяется буква, запоминаемая малышом — ведь это сказочный самоучитель чтения для самых маленьких.

Попытались русские писатели возродить и полузабытый жанр отечественной ПРАВОСЛАВНОЙ СКАЗКИ. Признанным лидером этого направления в последние десятилетия стал московский писатель и художник Г. Юдин, автор православной сказочной повести «Птица Сирий

и всадник на белом коне», сборников православных сказок «Муромское чудо», «Нечаянная радость», «Тридцать лет и три года».

Еще одно направление, которое продолжает осваивать современная сказка, условно можно назвать СЕМЕЙНО-БЫТОВЫМ. В этом ключе решены многие сюжеты М. Москвиной из сборника рассказов «Моя собака любит джаз» и безвременно покинувших нас О. Кургузова из книги «Солнце на потолке» и Ю. Вейры — из повести «Приключения Юрия Борисовича». В книгах этих писателей, в традициях А. Линдгрена, житийской история легко преобразуется в притчу.

Традициям Е. Шварца — следует С. Седов, автор книги «Мальчик Леша и разбойники», в сказочных миниатюрах говорящий с ребенком о сложнейших философских проблемах на понятном детям языке. Недаром сегодня сказочные миниатюры Седова перепечатывают даже в детском русскоязычном журнале «Остров: тут и там», выходящем в Мюнхене.

На смену сказке как литературе духовного сопротивления 80-х (не случайно гонимый властями Ю. Дружников назвал свое диссидентское, полуподпольное издательство «Золотой петушок»), в России возникла целая сказочная вселенная: со своими сказочными учебниками — приключенческой психологией, сказочным природоведением и веселой грамматикой, познавательной приключенческой сказкой, православными сказками, фольклорными стилизациями на основе древнейших языческих мифов и семейно-бытовыми сказочными историями. Целое созвездие имён, талантов, стилей!

Выбор осваивающей духовное пространство детской души зависит от родителей, учителей и детских библиотекарей. Сегодня детская библиотека в любом российском городе или поселке остается храмом подлинной культуры, в который приходят дети в надежде найти ответы на самые главные вопросы. И хочется, чтобы все мы не забывали мудрые слова нобелевского лауреата Ф. Мориака: «...юная душа — перепутье, на котором сражаются предки, желающие ожить в своем потомке, и, кто бы ни победил в схватке, пусть его голос сегодня заглушил все остальные, было бы безумьем обращаться с ним так, словно он навеки останется хозяином положения».

В свое время нарком советского правительства А.Луначарский в статье «Про-

свещение и революция» рекомендовал педагогам: «...Преподавание истории в направлении сознания народной гордости, национального чувства и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено». Старший современник Луначарского Ф. Ницше считал, что монументальная история — это основа для развития национального духа (работа «О пользе и вреде истории для жизни»).

Сегодня лучшие детские книги по истории Отечества дают возможность родителям сформировать у детей весьма отличающуюся от советской точку зрения на историю России. Отечественная история XIX и XX столетий ярко отразилась в книгах писателей старшего и среднего поколения, работающих в русле социально-психологических и реалистических традиций и предназначенных для семейного чтения. Это книга «Героическая азбука» В. Бахревского, посвященная Великой отечественной войне, романы разных лет А. Лиханова.

Истории России в XX веке, показанной через историю трех поколений женщин из одной московской семьи, посвящен остродраматический роман для семейного чтения А. Лиханова «Сломанная кукла», повествующий о бедах детей из «новых русских», запертых в золотую клетку и подвергающихся такому же жестокому насилию, что и интернатские бедолаги.

Четверть века работал екатеринбургский писатель, доктор культурологии А. Кердан над циклом романов о Русской Америке «Земля российского владения». Подобно Колумбу, он открыл для нас целый пласт русской истории и культуры — показал драгоценную россыпь мощных характеров, удивительных судеб, самоотверженных душ, в сложнейших политических условиях, при равнодушии и полным попустительстве сонной и вороватой столице служивших России.

Рядом со знаменитыми историческими фигурами — Берингом, Пушкиным, Бироном, русскими императрицами, знаменитым американским сыщиком Пинкертоном — обретают голоса и лица прежде безмолвные ряды великой русской истории — те, кому она обязана своими победами, могуществом и необозримыми пространствами российского государства. Недаром все эти романы были в разное время напечатаны в замечательном московском журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение», выпускаемом Российским детским фондом. Читая эти исторические романы А. Кердана, начинаешь совсем по-другому понимать то, что происходит в России сегодня. Исторические события рифмуются с современностью, былые проблемы возвращаются нерешенными, ошибки повторяются и мно-

жятся. Историческая эпопея уральского писателя, написанная рукой человека страстного, болеющего за Россию и видящего пути к ее дальнейшему процветанию и достойному утверждению себя в пестром, перенасыщенном политическими противоречиями мире, приобретает государственную значимость. Воспитанные на таких книгах молодые люди способны стать патриотами не на словах, а на деле. Им открывается правильное понимание государственных интересов России, исчезнет романтический флер с надежды найти себе хорошо оплаченное местечко за пределами родной страны. Злоключения молодых героев романа в чужих краях мягко подводят внимательного читателя к этой мысли.

А.Лиханов, В.Бахревский, А.Кердан в своих книгах спорят с тем, что в последние десятилетия мировому сообществу в качестве универсального образца государства и человека предлагается деидеологизированный либеральный стандарт, сущность которого — в приоритете земных интересов над нравственными и религиозными ценностями, над суверенитетом государств и патриотическими чувствами. Характерен тезис, предложенный психологом-эмигрантом из России на международной молодежной встрече в 2013 году в Финляндии: «Сменить родину и профессию проще, чем жену. Выбор семейного партнера — жизненно важная проблема для молодого человека». Русским писателям гораздо ближе позиция, сформулированная Патриархом всея Руси Кириллом: «Мы укоренены в восточной культуре с её приверженностью традиционным ценностям, определенному укладу жизни, исконным представлениям о ценности семьи, о незыблемости нравственных правил, о силе и значимости патриотического чувства».

Вселить в сердца детей и их родителей веру, надежду, любовь к Отечеству призваны книги издательской серии «Святые России», «Твое святое имя», «Душа России», «Отчизны верные сыны», «Наши православные святые», выходящие с подзаголовком — «Для детей среднего школьного возраста, для семейного чтения» Г. Юдина, Н. Алеевой, А. Карпова, И. Токмаковой, Е. Григорьевой, В. Воскобойникова. Книга Н. Алеевой «Как Русь стала православной» имеет подзаголовок — «хрестоматия для школьника». Подросткам, увлеченным отечественной историей, предназначена и последняя книга писательницы — «Герои русской истории», выпущенная тиражом свыше 120 тысяч экземпляров.

Включенные в круг чтения названные книги современных писателей способны помочь юному человеку выстроить достойную систему нравственных координат, отвечающую лучшим традициям отечественной культуры.

Андрей ЩУПОВ: О ЗАПРЕТНЫХ ТЕМАХ

Один поэт однажды предложил достаточно меткий термин: НиКтожество — иначе говоря, тот, кто не решается и не шагает, тот, кто всего на свете опасается, нечто лояльное и аморфное, готовое принять любые запреты. Словом, мечта любой власти! Ну, а Владислав Ходасевич предсказал время, когда «поэт станет бизнесменом в литературе» и тоже, похоже, угодил в яблочко. Если понимать категорию «поэты» расширительно, то армия сегодняшних творцов тоже в целом не пытается очень уж вольничать, ориентируясь сугубо на денежный аспект и воздерживаясь от скользких шажков за флажки.

Любое творчество есть риск, любой риск связан с запретами. И немудрено, что сегодня победила система ЕГЭ, сводящая творческий элемент в обучении к недопустимому минимуму. Ну а то, что под формат ЕГЭ уже подгоняют методики уроков, создают справочники и специальные учебники — это уже закономерное следствие.

Куда бы история ни бежала, нация, страна, человечество всегда будут связаны Языком. Именно его состояние, здоровье во многом отражали и будут отражать здоровье нации. И хорошо бы всем нам помнить, что взнудздать Язык невозможно. А вот отрезать и обездвигнуть — во многом, действительно, реально. И если основной носитель языка — литература, то приобщение детей к чтению — дело абсолютно политическое, поскольку возможность расшифровки литературного кода дается лишь в юном возрасте. Собственно, вот и весь секрет успеха или неуспеха. Свято место пусто не бывает, об этом гениально писал Валентин Франкл. Душевная пустота — ВСЕГДА найдет, чем себя заполнить. А уж сегодня рынок предлагает бездну коктейлей-заполнителей. Тут вам и Пи-Эс-Пи, и компьютерные игры, и социальные сети, и 40 каналов телевидения. А ведь это еще не самое страшное. Страшно то, что государство пытается отстраниться от этих сфер, предоставляя полную свободу торговле, ну, а торговле до чистоты помыслов, конечно же, нет дела. И оттого тема «запретного в литературе» превращается в нечто нелепое. То есть, везде вроде бы можно, а в книгах нельзя. Повсюду свобода и вседозволенность, а на обложках — возрастные лейбы. Недавно у издателей появился еще и список запретных терминов. Увы, человечество снова ступает на старые грабли, уподобляясь несмышленишу, в сотый раз сующему в огонь руки, чтобы понять — да, действительно, больно.

Если же говорить о запретных темах, то начнем с того, что запретный плод, конечно, сладок, но и без запретов в воспитании детей, увы, не обойтись. Есть вещи сугубо возрастные, есть откровенно табуированные, есть темы вовсе кошмарные. Но... Приходится признать — не смирились, нет! — не признать, что мир мало-помалу сходит с ума. Зайдите в интернет и попробуйте найти какую-либо серьезную информацию, не столкнувшись лоб в лоб с обманом, мошенничеством и порнографией. На этом фоне обычная реклама (тоже, к слову сказать, сомнительная категория) выглядит вполне невинно.

Касается ли это современной школы? Безусловно. На своих встречах с детьми

я интересуюсь, кто бродит по интернету и проводит время в социальных сетях. Процент оглушающий — от ста и чуть ниже — даже на периферии, в маленьких поселках и городах ребята тотально оседают в компьютерном мире. И это тоже большой вопрос, поскольку данное явление говорит о серьезных внутренних переменах детей. Они уже другие, это следует понять, а что будет завтра и послезавтра?.. Таким образом, приходится признать, что на сегодняшний день виртуальное пространство поглотило сегодняшних школяров, ну, а насколько искомое пространство чисто и безопасно, я уже сказал.

Впрочем, мы можем сколько угодно ворчать по поводу Российской бесконтрольности, но за рубежом дела обстоят ничуть не лучше. Воистину человечество шарахается из крайности в крайность — от ханжества к полному беспределу, от толерантности и мегатерпимости к неприкрытой агрессии.

В Мексике детей с 1-го класса учат правильно пользоваться презервативами (информация, увы, абсолютно достоверная!). А уж что творит тамшняя ювенальная юстиция! В Европе уже сейчас узаконены семь гендерных полов. Это не мужчины и не женщины, это так называемые «стрейты». Помните знаменитое обращение к народу в дни войны: «Братья и сестры...». Сегодня уже не в любой стране возможно такое произнести. В Швеции появились детские дома, где ребёнка уже нельзя называть «он» или «она», их называют в среднем роде, и куклы там лишены признаков мужественности и женственности. К слову сказать, и в документах европейцев нет уже прописи «мать-отец» — теперь это «Родитель N1», и «Родитель N2». При этом в Европе и Америке ежегодно кто-нибудь из школьников берется за оружие и десятками отстреливает своих одноклассников. Вспомним того же норвежского взрывника, комфортно отсиживающего ныне срок в тюрьме (и уже пишущего, по слухам, книгу о себе любимом). А ведь именно Норвегия, судя по всему, опережает соседей в деле атаки на натуралов. Боюсь проводить взаимосвязь, но все это и впрямь отдает жутью, которой не хочется касаться. Похоже, ревнители западной демократии, разругав инквизицию и вволю потоптавшись на теоретиках коммунизма, взяли изобретать еще более изуверский социум. Но ведь и мы семимильными шагами движемся в том же направлении! Общество решительно не желает придерживаться прежних правил мистера Куинсбери, предпочитая беспределный Октагон. И что же в этом случае должны делать здоровые люди? Увы, вставать в позу всеобщего отрицания — значит, совершенно отделиться от искомого мира, но и принимать эти правила, по моему мнению, преступно.

В Москве с 1 мая 2013 года стартовала особая программа по профилактике сиротства. Так называемый институт «социального патроната» вводит обязательное государственное наблюдение за семьями. С этой целью на каждые 20 детей в Москве выделяет специального соцработника, задача которого будет состоять в «расследовании» провинностей родителей перед своими детьми, сбору доносов и порочащих сведений. В случае если соцработник решит, что родители

не справляются со своими обязанностями, дети у них будут изыматься. Без суда, без каких-либо превентивных мер! Так что... Можно только поаплодировать успехам минсоцзащиты.

В свете всего сказанного повторю смешной вопрос: есть ли на сегодняшний день запретные темы для детей? С учетом интернета, с учетом многоканального телевидения и всего того, что вершит мировое сообщество, очень и очень в этом сомневаюсь. А потому можно продолжать заигрывать с ними и по-глухаринному делать вид, что мы ничего не знаем, но какой результат мы в итоге получим?

Думаю, что и литература, и педагогика должны солидаризоваться в данной области. Абсолютно согласен с писателем Акуниным, который полагает, что главной наукой будущего должна стать Педагогика. Поскольку нет иного прогресса, кроме прогресса отдельно взятой души, отдельно личности. И бессмысленно радоваться тому обстоятельству, что современный безграмотный бандит, принципиальный люмпен или ярый националист вполне грамотно пользуется смартфоном, планшетником или иными навороченными гаджетами. К сожалению, замена лопаты экскаватором не превратила нас в умудренных и светлых личностей, а появление нанонаук не отменило и не отменит ни оружия, ни войн, ни иного мракобесия.

И снова в пору вспоминать Макаренко и Калабина, Амоновилы и Шаталова, Щетинина и Сухомлинского, множество иных авторов, заявивших о своих методиках давным-давно. Каждый из них пытался заложить свой замечательный кирпичик в здание Педагогики, но, увы, приходится констатировать, что дерзания их по сию пору остаются не востребуемыми, хотя именно их попытки минимизировали площадь «запретных территорий», позволяя ребятам активнее ориентироваться в окружающем мире, вырабатывать собственную позицию, реально прояслять себя в полезном и интересном труде. Иными словами — их дети приобретали подобие активной защиты против любой внешней шелухи. Сегодня же мы имеем либо парниковых детей, не способных противостоять натиску времени, либо детей-соглашателей, с радостью воспринимающих любые внешние веяния.

А теперь зададимся вопросом, встречались ли запретные темы в литературе прежних десятилетий? Безусловно. Скажем, «Жизнь Ивана Семенова» Льва Давыдычева или «Тайна золотой долины» Василия Клепова, другие подобные книги. В первой автор делает героем двоюродника и лодыря, во второй книге Василий Клепов противопоставляет школе патристический порыв детей, позволяя ребятам убежать из дома, бросить школу и забросить уроки — все ради желания помочь стране в трудный час. Таким образом, оба писателя переступили некую условную грань, подводя под видимые нарушения мотивацию, в итоге становящуюся главенствующей. А вспомним эпизод, когда фашист хватает грудничка и бьет головой об угол вагона — тоже деталь, которую сегодня изъясляли бы как нечто недозволенное.

Тем не менее, примерами подобного рода литература прошлого не изобилвала. Может, поэтому многое будет переписываться. Появление в прошлом году книги «Облачный полк» писателя Эдуарда Веркина — лишнее тому подтверждение. Война здесь подается без бутафории и маскарада, злая, замо-

роженная и неприкрытая. Книга яркая и книга нужная. Но снова возникают те же вопросы: запретно ли вообще — рассказывать о войне школьникам?

В связи с этим вспоминаю военную литературу своего детства и с ужасом понимаю: из военного мы практически ничего не читали. Убегали в приключения, в фантастику, поскольку не верили в ту приглашенную и патриотизированную войну. Хотя, без сомнения, те книги были и идеологически выдержаны и, возможно, с точки зрения литературы не столь уж плохи. Однако мы с легкостью переходили на более взрослых писателей — В. Быкова, Г. Бакланова, В. Астафьева, В. Кондратьева и т.д... Иными словами, отмахивались от розово-приглашенной литературы для подростков и махом переключивались в иную весовую категорию.

А потому, объявляя сегодня запрет ну ту или иную тему, мы, по сути, вынуждаем детей к аналогичным шагам. Только в сегодняшнем случае, отмахиваясь от навязываемой литературы, дети рискуют прекратить читать вовсе. Благо заменителей и суррогатов — море разлитое. Риску предположить: не все, но достаточно весомая доля ребят продолжает уходить от чтения именно по причине недоверия и отсутствия в предлагаемых книгах запретных тем. Особенно это касается подростковой зоны. И потому, пусть с некоторым допущением, можно провести знак тождества между категорией «запретных тем» и элементарной правдой. Не будет жизненной правды, не будет и необходимого доверия, — книгу сунут на полку, забросят на шкаф и уж, во всяком случае, не купят. Боязнь запретных тем — ни что иное, как литература в противогазе, а потому для меня вопрос вполне очевиден: сегодняшний ребенок, начиная с двенадцати, а подчас и с десяти лет, давно уже не ребенок. Стоит вновь использовать термин переходного возраста, — то есть перед нами человек, одной ногой уже вставший на почву взрослой жизни, пытающийся по-новому всматриваться в окружающее, ожидающий ответов на вполне серьезные вопросы.

Да и чего может не знать современный молодой человек 12–14-ти лет? Того, как совершается насилие или гибнут люди? К сожалению, знает. И вопросы полового воспитания они также в массе своей проходят уже в 8–10 лет. Только вот узнают об этом не в школе и не от родителей, поскольку это опять же область «запретного», нечто табуированное и оттого пущенное на самотек.

Вспомним, как легко и просто господин Горбачев запретил водку. Страна тут же потонула в травленном самопале. И то же самое, без сомнения, будет происходить в литературе. Выхолостим ее — и уничтожим читателя окончательно, выдадим его в сферы, где искомым задретов не водится. Поэтому главным критерием, на мой взгляд, может быть только талантливость написанного. И кстати, талантливый писатель в чернуху сам не полезет. Просто побрезгует. Хотя искомым тем, безусловно, коснется. Потому что главная цель большинства писателей — откровенная беседа с самим собой и читателем.

Знакомы ли вам «плакательные уголки», встречающиеся в иных школах и библиотеках? В наших поездках по стране я видел таковых немало. Как правило, это маленькие заповедники свободы, закутки, где ребята делятся сокровенным со взрослым человеком, открывают тайны — нередко тоже из

ПРОФЕССИЯ — УЧИТЕЛЬ

числа запретных. Все это обычно происходит за ширмой, в лаборантских или просто опустевших классах. И как быть с этим? Запретить, как делают это в США и некоторых странах Европы, где за любое сближение с ребенком, будь то поглаживание по голове, похлопывание по плечу, душевный разговор могут запросто обвинить в сексуальном домогательстве? То есть запрет на глупость — вот бы что объявить по всей планете, но это, увы, полная фантастика. И боюсь, количество «запретных тем» находится в прямой пропорциональности с количеством дремучих людей во власти.

Недавно из наших магазинов и библиотек по почину таких же горе-новаторов стали активно изымать книги Давида Гроссмана. Мы специально интересовались этим вопросом и в итоге испытали полное недоумение. Юные герои борются с наркоторговцами, бегут от них, а девочка героиня пытается помочь другу вылечиться от наркозависимости. Если это считать запретным, то можно доходить до полного абсурда, запрещая того же «Ивана Семенова», книгу Гиваргизова «Записки выдающегося двоечника», книги Веркина и так далее, и так далее.

Честно признаюсь, по поводу моих книг «Слева от солнца» и «Отроки до потопа» также происходили бурные диспуты. Может ли быть положительным героем 14-летний хакер? Позвоительно ли старшеклассникам по собственному почину без помощи милиции сражаться с наркодиллерами?

Иными словами, если кто-то из персонажей книги действует не по закону, значит, это уже запретно. Но если законы не работают, может, тогда попробовать написать об этом? А вот нетушки! Потому что наткнемся на еще более строгий запрет!

Уже предчувствую, какие шишки посыпятся на мою новую книгу «Игра в поддавки», где школяры (о, ужас!) замахиваются на святая святых и волно обсуждают существующие предметы, учебники и программы. Вот уж точно темочка из запретных! Да только не много ли мы пытаемся записать в запретное? Жизнь-то кругом кипит и бурлит! В социальных сетях позволяют любые высказывания, на дискотеках крутятся не самая чистоплотная любовь, на загородных пущах подростками забиваются стрелки, на которых с палками и цепями сходятся десятки и сотни тех, кто, к сожалению, так и не пристрастился к чтению.

А еще стоит вспомнить, что в Конго и у печально известного Пол-Пота в самых изуверских бандах воевали дети 12-ти и 14-ти лет. Да и своего Гайдара мы тоже очень уважали, без конца поминая, что полком он командовал аж в 14 лет. Так нужно или не нужно скрывать от них правду? Тем более в книгах, а это тоже немаловажный момент, поскольку любая книга предполагает интимное общение, вольный выбор темы и беседу тет-а-тет. Это не телевидение, которое массово бьет по всей стране, от него сложнее укрыться, — а книгу взял и закрыл.

Поэтому убежден, что, придумывая запретные темы, на деле мы все более дистанцируемся от наших детей. Я не предлагаю оглушать их правдой, я только предлагаю не забывать о главном предназначении Педагогики: помогать им расти и вставать на ноги, становиться личностями и отличать добро от зла. И книга в этом способна серьезно помочь.

Сегодня на официальном и на бытовом уровне много говорят о необходимости воспитания патриотизма. Предлагаются для этого разные новаторские формы и методы, например создание Изборского клуба, Дворцов новой культуры, организуются полемические круглые столы, ведутся теледебаты и споры на различных Интернет-сайтах. А мне вспоминается высказывание русского философа Ивана Ильина, что патриота воспитывает семья... В советские годы, правда, к семье всегда добавлялось — и школа. Даже Высоцкий в песенке вопрошает: «Куда же смотрят, так сказать, семья и школа?» Сегодня об этих двух важнейших слагаемых воспитательного процесса (кстати, и литературного тоже) вспоминают редко и то по торжественным случаям или при трагических обстоятельствах, если, не дай Бог, таковые случаются...

Среди нашего брата — писателей тоже немало разговоров по этому поводу. Но верен этой теме на протяжении всей жизни, пожалуй, один Альберт Анатольевич Лиханов. Верен не только в своих книгах и статьях, но и в повседневной жизни. Он даже премию имени своей первой школьной учительницы в Кировской области учредил и вручает каждый год лучшим учителям-воспитателям. Не говорю уже о том, что делается им лично и его Российским детским фондом для поддержки многодетных семей, семейных детских домов и так далее...

А мне вот довелось столкнуться с явлением, когда «семья и школа» можно писать через дефис: «семья-школа» и «школа-семья». Речь идет о семейной династии учителей Румянцевых, проработавших в 35 гимназии Екатеринбурга почти семьдесят лет. О них, сделавших выбор в пользу одной из главных профессий на земле, мой сегодняшний рассказ.

Семья

В наше время семейственность как-то не приветствуется. Чудится за ней чуть ли не коррупция, кумовство. Что ж и такое бывает... Но в моей памяти свежи те времена, когда цествовали династии рабочих, инженеров, врачей, педагогов, военных. Что ж плохого, когда «может и сын героем стать, если герой отец»? Это не только передача накопленного опыта, традиций, так сказать, из рук в руки, но и, в конечном счете, наследственность, сохранение доброго имени семьи, формирование фамильного бренда.

Пример Румянцевых показывает это со всей очевидностью.

Глава семьи — Анатолий Семенович — полковник в отставке, более тридцати лет прослужил в Вооруженных Силах, возглавлял отдел культурно-просветительной работы в политическом управлении Уральского военного округа. В своё время, он одним из первых в управлении получил звание заслуженного работника культуры. Уволившись в запас, пошел работать в школу. Кому, как не детдомовцу военной поры, человеку многое пережившему

и испытывшему, заниматься с молодежью, передавать свои знания и опыт? Почти двадцать лет он проработал заместителем директора гимназии по правовой и воспитательной работе. И добился замечательных успехов на этом поприще, о чём свидетельствует недавняя награда — медаль «Патриот России».

Его супруга — Валентина Ивановна преподает в школе с юности, сразу после окончания Житомирского педагогического института. В 35 гимназии работает со дня её основания. Учитель русского языка и литературы, завуч, отличник просвещения. Её выпускники из года в год поступают в самые престижные вузы страны.

И всё же самая главная оценка для учителя — его собственные дети: занимаясь чужими, как бы не проглядеть своих... У Румянцевых здесь полный порядок. Сын — полковник, закончил военную академию, служит в братской Беларуси. Дочь Ольга — учитель высшей категории, семнадцать лет преподаёт английский язык в той же гимназии, где работают родители.

Румянцев с улыбкой называет жену и дочь «малым педсоветом», «комиссией по чрезвычайным ситуациям». «Бывает, напраказит какой-то ученик, а мы до утра глаз не сомкнём: советуемся, ищем выход из сложной ситуации», — говорит он.

— Наверное, есть у вас свои педагогические секреты, собственная формула успеха? — интересуюсь я.

— Главный успех учителя, как у врача, заключается в принципе — не навреди! И ещё, как говорил Некрасов: «Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте, спасибо вам скажет сердечное русский народ...»

Школа

Еще древнегреческий философ и писатель Плутарх говорил, что голова обучаемого — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь. Благородным делом пробуждения душ молодого поколения и занимаются Румянцевы.

В 35 гимназии, где я на протяжении последних полутора десятилетий, бываю с завидным постоянством, делается всё, чтобы дети помнили, что они родились в великой стране, имеющей богатую историю, славную именами талантливых людей и необозримыми просторами. В гимназии с первого класса начинается знакомство с вете-

ранами Великой Отечественной войны и труда, проводятся уроки мужества и уроки нравственности, встречи с известными писателями и композиторами, пропагандируется здоровый образ жизни и занятия спортом. Одно перечисление всех форм работы с молодежью, которой многие годы руководили Анатолий и Валентина Румянцевы, заняло бы немало страниц. Но нельзя не сказать о любимом детище Румянцевых — о школьном музее, гордо именуемом «Знаменный зал боевой и трудовой славы Урала». Музей достоин такого к нему восторженного отношения. Он прекрасно оборудован, экскурсии в нём вот уже почти десять лет проводят сами школьники. Музей удостоен многих наград, неоднократно побеждал на смотре-конкурсе музеев образовательных учреждений области и даже высек из меня самую поэтическую искру.

*Струится шёлк отеческих знамён,
Что не склонились
под врага напором.*

*Сам дух Победы в них запечатлён,
Гордиться нам завещано которым.
В латунных гильзах —*

*горькая земля
Привезена из городов-героев.
И ветераны, как учителя,
Глядят на поколение другое,
Которому — их подвиг, как наказ
Любить Россию, жить её судьбою,
И в самый трудный,
самый страшный час
Поднять знамёна эти над собою.*

Главное, что такая работа не пропадает втуне. Обучающиеся в гимназии выгодно отличаются от своих сверстников из других школ города. Здесь уже много лет никто из учеников не состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей, нет случаев употребления наркотиков, вымогательства денег старшими у младших. На лицо успехи в спорте и растущие показатели в учебе. И ещё в глазах ребят из 35 гимназии виден интерес к людям, желание побольше узнать об истории своей страны, гордость, что они наследники победителей, одолевших фашизм.

Может быть, это и есть тот пресловутый огонь, который зажигают в юных сердцах такие талантливые педагоги, как Румянцевы?

Александр КЕРДАН

На фото: учительская династия Румянцевых

ОТ КАМЫ ДО ОБИ

Академическая «История литературы Урала» формирует образ одного из ключевых историко-культурных регионов России

Хотя многие пытаются сегодня представить литературу исключительно средством самовыражения авторов и деталью книжно-рыночного механизма, она была и остается частью и формой широкого социального бытия. Именно в таком контексте рассматривают свой проект организаторы создания академической «Истории литературы Урала» («ИЛУр»), первый том которой был недавно представлен в Екатеринбурге. Уже уникальная — тираж всего 500 экземпляров — книга охватывает первый период зарождения, становления и развития региональной уральской литературы — от последней четверти XIV в. к завершению XVIII в. В целом исследование должно дойти до начала XXI в.

Модель геопространства

Правомерно ли сегодня говорить о регионализме, когда недавно даже движение региональных брендов напомнило премьер-министру РФ Дмитрию Медведеву об угрозе сепаратизма? Вот и работу над «ИЛУр», по словам возглавляющего ее редакционный совет академика РАН Вениамина Алексеева, некоторые московские (причем с недавних пор) коллеги восприняли эту работу как попытку разделить единую русскую литературу. Между тем уже в XVII в., напоминая редколлегия со ссылкой на авторитетных историков русской литературы, «восточные владения России... обнаружили становление... такого явления письменной культуры, которое, совпадая по языковому признаку с книжной традицией центра, являет собой особую территориальную разновидность общенациональной литературы».

Несмотря на приверженность единству Отечества, вряд ли можно считать разумной, например, нынешнюю сверхцентрализацию российского книгоиздания. В том числе благодаря ей образ современной российской литературы сегодня создают прежде всего и главным образом участники московского литературного процесса, который в значительной степени формируется под влиянием конъюнктуры массового рыночного спроса. Процессы, идущие в регионах, при этом попадают в поле зрения фрагментарно, избирательно или, не исключено, сознательно игнорируются.

Между тем, по мнению профессора Сыктывкарского госуниверситета Людмилы Гурленовой, которое она высказала на одной из традиционных для Екатеринбурга конференций «Литература Урала: история и современность», именно активизация региональных литератур составляет одну из двух главных тенденций развития современной русской литературы. И именно они «являются пластом искусства, который сохраняет в себе национальное своеобразие как в форме, так и, особенно, в содержании — в ценностных ориентирах...».

Укоренившееся ранее отнесение столичных писателей к «первому», а региональных — ко «второму» и прочим рядам, считает Л. Гурленова, «не соответствует реальной картине современной литературы и выражает лишь амбиции достаточно узкого круга литераторов и обслуживающих их критиков». В новых условиях «ментальность русской

литературы... наиболее выражена в региональной литературе, только эта последняя имеет реальные возможности и силу для ее сохранения».

Профессор Тюменского госуниверситета Юрий Мешков, в свою очередь, предложил заимствовать у обществоведов современное понятие «глокализация», которое отражает объективное сочетание прямо противоположных процессов интеграции и фрагментации. И предложил видеть в региональном те особенности, из совокупности которых и складывается реальное художественное многообразие русской литературы.

Видя в региональной литературе своеобразную «подсистему» литературы общерусской или общероссийской, создатели «ИЛУр» заявляют о намерении сочетать традиционное историко-литературное исследование со структурно-семиотическим подходом, в результате взаимодействия которого с культурной географией в последние годы родилась геоэтика. В рамках этой дисциплины, отмечает профессор Пермского госуниверситета Владимир Абашев, вместе с образами географического пространства в индивидуальном творчестве анализируются локальные тексты (или сверхтексты), сформированные в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов. С этой точки зрения, помимо уже привычного «петербургского текста» можно обнаружить и выделить, к примеру, «пермский текст». Урал же в целом, считает В. Абашев, привнес в русскую культуру новую «модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина».

Мозаика «фронтира»

Уникальностью уральского историко-культурного ландшафта, по мнению профессора Уральского федерального университета Елены Созиной, определяется и то, что Урал подобно Петербургу, Крыму, Кавказу и Сибири необходимо именовать не провинцией, а периферией. За долгое бытование в русском языке термин «провинция» прочно ассоциировался с давно освоенным пространством между границей и центром, став синонимом, с одной стороны, захолустья, с другой — утраченного рая. Тогда как Урал, несмотря на минувшие столетия, «в европейском, а затем и в русском сознании зафиксировался как восточная граница Европы и одновременно как «шов», соединяющий ее с Азией», закрепив семантику «фронтира».

Исходя из целей проекта, организаторы «ИЛУр» включили в Уральский регион территории одиннадцати субъектов РФ, которые входят в состав трех федеральных округов: Северо-Западного (Республика Коми), Приволжского (Удмуртская республика, Республика Башкортостан, Пермский край, Оренбургская область) и Уральского (Свердловская, Челябинская, Курганская и Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Однако отправной точкой и стержнем для такого формирования стало не современное административное деление, а тесная связь

исторической судьбы «прилегающих к горному хребту территорий... с движением русской государственности, русской культуры на восток». В культурно-историческом контексте это Прикамье, приравненное к так называемому Строгановскому региону, откуда начался поход Ермака, горнозаводской (Демидовский) регион с центром в Нижнем Тагиле, позднее перешедшем в Екатеринбург, южноуральское Оренбуржье, военно-административное освоение которого началось в 1730-х гг., а также Зауралье и Западная Сибирь — условно Тобольско-Тюменский край.

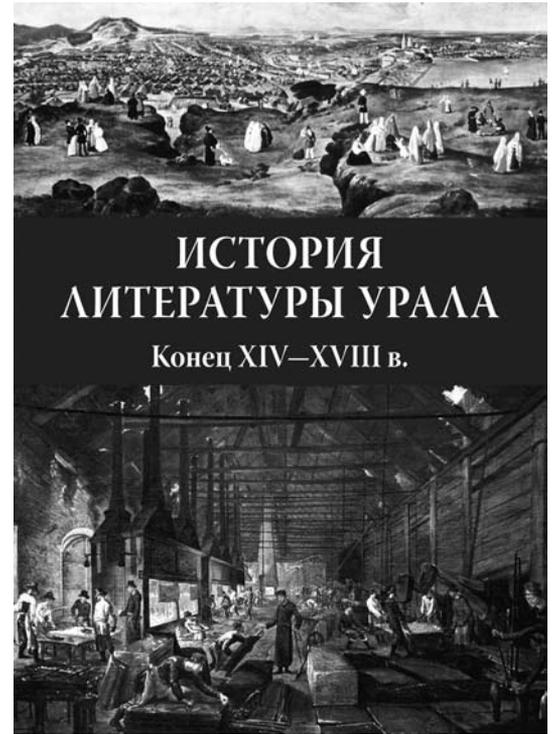
Начало движения Русского государства на восток и формирования собственно русской литературы Урала связывается с деяниями Стефана Пермского, который в конце XIV в. крестил предков нынешних коми-зырян и основал Пермскую епархию. Именно русская книжная культура, центры которой быстро сформировались, например, в приуральских владениях Строгановых и в Тобольске, фактически стала единственным источником сведений о новых землях на востоке. Вместе с ней на роль старейшей из уральских письменных традиций претендует башкирская литература, которая как самостоятельная система началась в XVI в. после присоединения башкирских племен к Российскому государству, добровольность которого подтверждается их родословными записями — шежере.

В том, что национальные литературы башкир, коми-зырян и коми-пермяков, удмуртов, манси, ханты и ненцев рассматриваются параллельно и в общем ряду с русской литературой, В. Алексеев видит уникальность и научную новизну «ИЛУр». В целом, отмечает академик, на Урале издавна «сложилась уникальная межэтническая ситуация контактов финно-угорских, иранских, тюркских, а затем и славянских общностей». Кроме того, культурная неоднородность Урала определяется его многоукладностью. Мозаичным был состав русского населения, в котором помимо горнозаводских жителей были представлены казаки и крестьяне.

Система координат

Весомо дополняя собой многосторонний анализ всей истории заселения, освоения и развития Урала как одного из ключевых регионов России, «ИЛУр» представляет факты и концепции, которые позволяют глубже понять как эту историю, так и целый ряд укорененных в ней аспектов региональной и общероссийской современности. В целом актуальность, масштаб и глубина концепции, а также собранного фактического материала делают первый том ярким научным манифестом. Он ясно свидетельствует: объединившись в рамках проекта, авторитетные исследователи русской литературы и ее истории из региональных научных центров Поволжья, Урала и Сибири ставят целью существенно дополнить представления об отечественном литературном и шире — культурном процессе.

Обзор и анализ многовекового пути в его многообразии позволяет, в частности, сформировать и предъявить систему устойчивых координат, в ко-

торой художественные тексты могут оцениваться в контексте долговременного общенационального развития, его традиций, тенденций и интересов. Развиваясь в следующих томах «ИЛУр» с учетом особенностей конкретных исторических периодов, эта система может стать надежной опорой и для развития современной литературной критики.

К основаниям для глубокого понимания природы русской художественной литературы и оценки тенденций ее развития, в том числе современных, по нашему мнению, следует причислить напоминание о том, что едва ли не самыми плодотворными источниками этой литературы были церковная книжность и фольклор. Опора на это представление существенно расширяет, например, представление о том же Нижнем Тагиле, обиходный образ которого в последнее время отнюдь не связан с культурой и интеллектом. Между тем именно здесь в XVIII веке в доме Акинфия Демидова не только существовала одна из крупнейших в России частных библиотек, но и было создано уникальное собрание былин и песен, которые исполнял один из лучших русских сказителей — кричный мастер Кириша Данилов. Благодаря этому новые смысловые оттенки обнаруживаются в современных попытках создавать в этом городе танко-, вагоностроителей и металлургов уникальные культурные сообщества.

С выходом первого тома участники работы над ним получили возможность приступить к следующему этапу проекта. Для его реализации, очевидно, потребуется не только новая концентрация всех научных сил, уже включенных в «ИЛУр», но и привлечение новых, расширение имеющихся и создание новых творческих коллективов. Для более эффективного и динамичного продвижения к окончательному результату проект явно нуждается в более весомом официальном статусе в рамках РАН, усилении финансовой поддержки, организационной и содержательной кооперации с соответствующими университетами. Альтернатива — медленная работа, растянутая как минимум на три пятилетки. Это в лучшем случае: напомним, что путь от плана-проспекта «ИЛУр» до первого тома занял около семи лет.

Андрей РАСТОРГУЕВ

История литературы Урала. Конец XIV—XVIII в. — М.: Языки славянской культуры, 2012.

Альберт ЛИХАНОВ

«ПРЕЗРЕВ УГРЮМЫЙ РОК...»

«Урок истории только в том и заключается, что она ничему не учит», — утверждал Василий Ключевский на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков.

В эпоху перемен, действительно, труднее всего, но и важнее всего за хаотической повседневностью и игрой мелких страстей разглядеть главное — для чего мы живём, «куда влечёт нас рок событий», что утрачивает и что обретает народ в большой исторической перспективе.

И только «магический кристалл» литературы даёт возможность увидеть через исторический опыт современность, понять её злободневные вопросы и, как ни парадоксально это звучит, отыскать неизменные во все времена ответы.

Исторические романы Александра Кердана «Крест командора», «Берег отдаленный» и «Звёздная метка», объединённые в книге под символическим названием «Земля российского владения», посвящены эпохе, когда русские люди двинулись «встречь Солнцу», начали освоение Сибири и Дальнего Востока.

Колумбы Россие,

презрев угрюмый рок.

Меж льдами новый путь

отворяют на восток,

И наша досягнет в Америку держава, —

пророчествовал молодой Михайло Ломоносов. И это пророчество сбылось. Россия утвердилась на Аляске и Алеутских островах, достигла Калифорнии. Русские первопроходцы прошли в глубь Америки, открыли множество полезных ископаемых, совершили немало научных открытий, утвердили эти обширные территории за собой вплоть до их продажи в 1867 году.

Многоплановое историческое полотно густо населено самыми разными героями: это представители нескольких поколений, различных социальных слоёв, люди многих национальностей. Цари, господа, солдаты, генералы, учёные, священники, матросы, отважные сыны России. С другой стороны — камчадалы, алеуты, индейцы, корсары, перекупщики мехов... У каждого из них свои интересы и стремления, зачастую противоречивые.

Казалось бы, в этом хаосе совершенно невозможен единый вектор общего движения. Но могучая историческая логика развития государства, «поверх голов», а точнее, поверх судеб действующих лиц, сплетает весь этот хаос в единый пассионарный поток, порыв к новым землям, к расширению границ государства российского. И даже трагические судьбы участников экспедиции Беринга обретают в исторической перспективе высочайший жертвенный смысл.

Вызывает уважение творческая независимость Александра Кердана: в выборе событий и их освещении, в отходе от признанных мнений, открытая гражданская позиция — и в то же время научная добросовестность, я бы даже сказал — скрупулёзность, тщательное изучение мемуарной и архивной литературы. Очевидно, что в решении извечной проблемы жанра: сочетание исторической объективности, отражение нравов эпохи — и создание художественного произведения, захватывающего внимание читателей — автор не только использует открытия своих предшественников, но

смело ищет и находит свои собственные художественные решения.

Кердан охватывает и обживает огромное временное и территориальное пространство. Но этим не ограничивается, он раздвигает, строит многослойное пространство по вертикали и горизонтали: Петербург, сибирские городки, охотничий форт, поселение алеутов, испанские президии, пространство отдельных персонажей, наконец. Чтобы совладать с этим сложнейшим геометрическим построением, ему приходится искать новые литературные приёмы. При внешней традиционности, композиция романов предполагает динамику, мгновенные перемещения авторского внимания в пространстве сюжета. Это сгущает событийный пласт прозы и делает его стремительно-современным. В то же время, автору вполне удаётся сохранить цельность, как самого повествования, так и характеров главных героев в их развитии.

В своём предисловии к публикации в журнале для школьников «Путеводная звезда» Кердан пишет: «Как все мальчишки моего поколения, в детстве я зачитывался Майн Ридом, Луи Буссенаром, Жюлем Верном... Мы с друзьями играли в индейцев, пиратов, отважных путешественников, о которых узнали в книгах. Мои исторические романы — это, по сути, продолжение тех мальчишеских игр...»

Эта «детская игра» стала для Кердана судьбой. Четверть века неустанной работы над темой Русской Америки завершились созданием свода исторических романов «Земля российского владения».

В исторических романах Кердана отразились различные грани его одарён-

ной и сильной личности. Отдавший немало лет поэзии, писатель внимателен к слову. Пластично и ярко, поэтическим пером написаны портреты героев, пейзажи Камчатки, Аляски, Калифорнии. Колоритно показана стихия русской народной жизни — с её прибаутками, пословицами, игрищами, шутками и песнями.

И всё же, главная тема исторической прозы Александра Кердана — подведение итогов отдельной человеческой жизни в контексте исторического времени. Благородная задача писателя-историка — напомнить внимательным читателям достойные имена тех, кто, подобно капитану Алексею Ильичу Чирикову или купцу и учёному Кириллу Хлебникову, был обречен на вторые роли, хотя внес серьёзный вклад в исследование и освоение необъятных просторов русского Севера и американского континента. Именно об этих истинных героях Кердан сказал своё страстное и талантливое слово, вписав имена несправедливо забытых рядовых истории рядом со знаменитостями в Книгу Благодарной Памяти потомков.

Несомненной удачей стало для Александра Кердана обращение к теме Русской Америки. Удивительно, как мало она разработана в нашей современной литературе. Проза 90-х и наследующая ей проза начала нового века — как правило, мрачное чтение. Невыстраданное страдание отвращает читателя от текста. И критики, и издатели, да и сами писатели уже начинают понимать, что выход из тупика — в просветлении авторского взгляда. Все ищут позитив, все хотят активного, харизматического героя. Одновременно боятся пробовать

романтическое письмо, не решаются затрагивать те пласты отечественной истории, где нельзя быть искренним, не поднимаясь до пафоса.

Что сделал Александр Кердан? Он вышел на то тематическое, сюжетное поле, где сегодня работают только коммерческие авторы. Его исторические романы имеют все признаки приключенческого жанра. В них есть интриги, любовь, паруса, пираты, воинственные индейцы. Тем, кто любил в детстве Фенимора Купера, и даже тем, кто сегодня любит Гарри Поттера, будет интересно следить за развитием сюжетных линий. Но автор, разумеется, не ставил себе задачу только развлечь читателя. В отличие от «костюмных» бестселлеров, его романы стоят на прочном историческом фундаменте. Автор позволяет себе ровно тот процент домысла, при котором читатель уверен: если так и не было, то могло быть.

Всякий добротный исторический роман расширяет кругозор читателя: не только за счёт конкретных сведений (которых в романах Кердана немало), но и благодаря труду, с которым писатель обживает иное время. Почему в его романах так сильно проявилась романтическая традиция? Тут причина не в антураже и не в авторском произволе. Дело в том, что люди той эпохи, той культуры были романтиками. Даже корыстолюбцы любили золото иначе, чем нынешний «новый русский» любит свой банковский счет. Первопроходцы, открыватели новых земель были в основе людьми практическими: иначе они бы просто не выжили на дикой Камчатке, не основали бы поселения на Аляске, не поставили бы в Калифорнии форт Росс. Но пассионарное стремление к иному, отдаленным берегам придавало их работе высокий смысл. Именно это уловил Александр Кердан, именно это определило основную интонацию его романов.

Удачно соединяя в себе классическую традицию с неординарностью современных взглядов на личности и события далёкой эпохи, романы Кердана адресованы в первую очередь молодёжи, а так же всем, кому интересна история России, а также истории людей, руководствующихся в своих поступках понятиями долга и пользы Отечества, чести и благородства. Будучи своего рода нравственным кодексом для молодых читателей всей России, эти романы способны напитать юношество (и не только его!) духом честности и смелости, научить держать данное слово, быть настоящим патриотом своей страны.

Исторические романы Александра Кердана в разные годы выходили отдельными книгами в московских и уральских издательствах, публиковались в журналах «Уральский следопыт», «Воин России», в роман-журналах «XXI век» и «Путеводная звезда», в нью-йоркском еженедельнике «Русская Америка». Редакция этого издания в 2005 году наградила писателя дипломом «Лучший автор года». Романы «Берег отдаленный» и «Крест командора» удостоены Большой литературной премии России, национальных литературных премий имени А.С. Грина и П.П. Бажова.

Рассказывать о романах нет смысла. Их надо читать. Тем более что и нашу негаснущую страсть к приключениям они удовлетворяют в полной мере, не позволив оторваться от чтения, пока не будет перевернута последняя страница. По крайней мере, я был одним из таких читателей...

СЛОВО О ДРУГЕ

(К 60-летию Николая Коняева)

Размышляя о творчестве сибирского прозаика, нашего земляка Николая Коняева, тюменский писатель Виктор Строгальщиков в «Литературной России» как-то обмолвился: «Книги Коняева читаются с болью, а помнятся светло».

Действительно, удивительная вещь. Не каждый писатель удостоивается такой оценки творчества. В наш век массового потребления, далёкого от какого-либо совершенства, становится всё меньше вдумчивых читателей. Не по этой ли причине откровенный разговор по душам писателя с читателем стал духовным дефицитом? Слишком много соблазнов уводят современное общество от хорошей книги. Это не только беда когда-то самой читающей страны — во всём мире происходит замена читателей литературы на потребителей чтива. Таинство общения с книгой стало пустой тратой времени.

Раньше писатель был подобен творцу: создавая свою художественную Вселенную, он будоражил умы и сердца, теперь у большинства авторов одна задача — идти на поводу у невзыскательного читателя, потакая его вкусам и капризам. Зайдите в книжный магазин, обратите внимание на полки — ряды книг о суперменах, наёмных убийцах, ворах в законе, проститутках. В большинстве своём массовая литература раскупается на рынке, но у неё безликий читатель, которого язык не поворачивается назвать Личностью. Такой «поклонник» книги чем-то напоминает читателей книг со «специфическим» содержанием: например, о выведении клопов и тараканов в домашних условиях. Те, кто их

АВТОРА!

Рябий Михаил Михайлович. Кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Автор монографии «Да чисто русская Россия пред нами явится видней: От Любомудрия к славянофильству» (Москва, 2007), многочисленных статей о современной югорской литературе. Преподаёт в Югорском государственном университете. Живёт в Ханты-Мансийске.

покупает, никогда не хвастаются своими приобретениями. Кому же хочется выглядеть перед другими убогим? Сами авторы подобные сочинения пишут не по вдохновению, а по нужде, несмотря на огромные тиражи... Зато те, у кого «беллетристические» тиражи перевалили за сотни тысяч экземпляров, гордятся собой и своим читателем...

Это так, но речь не о них, речь о светлом в литературе — о творчестве Николая Коняева.

Когда я впервые познакомился с Николаем Ивановичем (с той поры, наверное, миновало полтора десятилетия), изумился его мальчишеской задорности, ершистости и абсолютному отсутствию писательской «солидности». Увлечённость творчеством — вот, пожалуй, то, что выделяло его среди других. Коняев не знает полутонов — порою рубит с плеча и тогда для него нет авторитетов... Эти качества у большинства людей не вызывают симпатий, поскольку всегда больше по нраву гибкость, лояльность, умение договариваться... Но, с другой стороны, в коняевской индивидуальности есть нечто такое, что невозможно увидеть только глазами — зоркость сердца...

Понять и простить своих героев может только такой же, как они, писатель-бессребреник. В небольшой повести «О, ля-ля!» выведен такой герой: ответственный секретарь писательской организации. Автор наделил его схожими чертами и принципами: «Александр Михайлович второй срок (шестой год) был ответственным секретарём писательской организации, главным редактором литературного альманаха, лауреатом нескольких скромных, но дорогих ему премий, полученных не за преданность идеям какой-то там «могучей кучки» одного из двух враждующих литературных направлений, не за выслугу лет в Союзе, не за общий вклад во что-то неопределённое, а за конкретные книги и произведения, за которые не стыдно».

Александр Михайлович — страдательный образ. Такой человек умеет отстаивать свои убеждения, но лишён коварства, верит в честность и порядочность окружающих его людей. У какого-нибудь романтика-сказочника такой персонаж был бы вознаграждён, как говорили ан-

тичные критики плохих древнегреческих трагедий, «богом из машины» (волевым решением драматурга, наперекор вытекающим обстоятельствам). Николай Иванович не терпит такого насилия над героями, ибо он писатель, а не фокусник. У «фокусника» — ловкость рук и, как говорится, никакого «мошества». А у писателя — дар вовлечения читателей в сопереживание, в любой нелепости и несуровности людской он видит и положительную сторону. Читаешь произведения Коняева и воспринимаешь всё не как привычный фарс нашей жизни, а как личную драму живущих рядом с тобой людей.

Наблюдательный прозаик, он обращает внимание не на трагедии вселенского масштаба, а на моменты обыденной жизни. Они также полны событий и потрясений, но только для тех, кто принимает в них прямое участие. Благодаря писательскому увеличительному стеклу, мы начинаем понимать: здесь тоже кипит жизнь со своими страстями,

кодексами чести, радостями и огорчениями. Мы, читатели, невольно увлекаемся в эту жизнь, находя болевые точки соприкосновения с этими людьми из российской глубинки, и с удивлением обнаруживаем: то, что до вмешательства Коняева казалось бурей в стакане воды, оказывается беспощадным приговором нашему обществу, и мириться с таким положением невозможно. Дело даже не в том, что общество стало безответным на чужую боль всего за какую-то пару десятилетий. Мы вдруг сами осознали — внутри нас утрачено что-то важное, может быть, такое, что родственно этим коняевским мужикам и бабам, в каком бы обличье они перед нами не предстали. Утрачивается связь с народом, подпитка от его корней, и получается, мы ни здесь, на своей земле, и не там, где, как нам кажется, гораздо лучше — в своём мирке, обособленном от других. И пока не определились духовно, мы, следовательно, нигде...

Писатель подталкивает нас к размышлению о том, как, виновная неведомому замыслу, нация начинает превращаться в население, а родная земля — в территорию. От этого становится горько, но спасение есть: оно в понимании героев Коняева, постижении, наверное, того главного, что хотел сказать писатель: они — часть нас, а мы — часть их... Пусть им жизнь выдалась беспокойная, несъятая. Но ведь не хлебом же единым... Потому-то писательская печаль светла, полна веры в человека...

Сколько бы ни сваливалось на него неведомых соблазнов, а он всё пытается оставаться тем, кем его задумал Создатель. Грешным и слабым, но всё же человеком, находящим в себе силы подняться с колен. Спасает русского человека, конечно же, любовь и вера — это отчётливо прочитывается у Коняева. Но о том и другом писатель не говорит громко — большей частью молчит, что гораздо важнее митингового горлопанства на площадях. Нам и так понятно, о чём безмолвствуют его бесхитроные герои.

У Николая Коняева нет суперменов, в его крепко сложенном повествовании они оказались бы инородным телом и были бы по меньшей мере смешны. Все

его персонажи — нашенькие, земные, будь то «русский хант», чудаки Малыги, сторож Гурий Фадеевич, доморощенный поэт Мишуня, аптекарша Васюна, графоман Слепак... Люди как люди, которых не испортил «квартирный вопрос» ни в городе, ни в деревне. У каждого своя изюминка, которую подметил писатель и не просто срисовал, а переосмыслил и выстрадал. И движет ими, несмотря на их слабости, вполне земное «волеизъявление к жизни». Этот отправной посыл вполне заслуживает одобрения, если вдохновляет на борьбу за истину против несправедливости. С таким кредо даже образ графомана из «писательской» повести Коняева выглядит довольно-таки симпатичным.

Образ писателя, героя повести «О, ля-ля!» хочется выделить особо. Это в хорошем смысле слова «литературный старвер», ориентирующийся на русскую классику. Он работает без оглядки на литературную моду, как некоторые из его собратьев по перу — прилипалы и халтурщики по большому счёту. «Ответсек» Александр Михайлович хорошо знает этот писательский мирок: за два срока руководства организацией на всякое наглядился. Пусть он и не подозревает по своей наивности о некоторых подводных течениях в обществе «воров и жуликов», зато свой нравственный долг перед народом осознаёт до конца: никогда не станет писать кому-то в угоду, пытаться любыми способами «понравиться» читателю, прогибаться перед сильными мира сего ради собственного благополучия. Здесь герой и автор — едины, поскольку неоднократно доказано: всё это — путь в «никуда». Не от того ли и сам автор бывает горяч и непримирим.

Не всякому дано сразу постигнуть убеждения коняевского героя, его подвижничество, проявляющееся в работе души. А для художника — это главное. Таков же и Николай Иванович. Ох и досталось же от него в своё время чиновникам за игнорирование писательских проблем, нежелание прийти на помощь творческим людям. Деятельный человек, бессменный редактор литературного ежегодника «Эринтур» на протяжении 18 лет, он помог в издании книг многим своим товарищам по писательскому цеху. За три непрерывных срока руководства писательской организацией Югры способствовал выходу в свет десяткам сборников поэзии и прозы молодых литераторов, не забывал и о литературном опыте тех, кто развил словесность в регионе с 30-х годов прошлого века, осуществив издание двухтомника литературной антологии. Николай Иванович выступает и в роли летописца и мемуариста писательской организации, у истоков создания которой находился. А в произведении «Моя нечаянная Родина», которое трудно отнести к какому-то одному определённом жанру, выступил в роли серьёзного исследователя и публициста. Когда он в 1997 году принял руководство писательской организацией, членов окружного Союза было 17 человек, а когда покидал её, организация насчитывала 39 писателей. А сколько ежегодных детских и взрослых литературных конкурсов за его плечами, различных конференций и презентаций, «круглых столов» и творческих обсуждений, семинаров и мастер-классов!

Переехав в Тюмень, писатель по-прежнему интересуется творческими делами в Югре, продолжает работу над своим детищем — альманахом «Эринтур». Количество его читателей с каждым новым произведением прибавляется, и они с нетерпением ждут его новых книг.

Владимир ВОЛКОВЕЦ: «СЕВЕРОМ ПРИТЁРТЫ И ПРОВЕРЕНЫ...»

* * *

Дождь туманом захлебнулся на бегу.
На столе черновики вразброску.
Скомкаю, чтобы не мучили, сожгу
И перекопаю под картошку.

Дым немного затуманит небеса,
Горечи добавит майским почкам.
Пусть рука слова забудет, но глаза
Вспомнят все зачеркнутые строчки.

И однажды прорастут они во мне
С настоящей правдою земною,
Потому что, убежден, слова в огне
Если и сгорят, сгорят со мною.

* * *

На шифере тени в гармошку.
Черемуха к дому впритык.
Под ней, где присел на дорожку,
Ужимки червей дождевых.

Пора же! И грусти не спрячешь.
Когда оглянусь на углу,
Увижу в окне, как ты плачешь.
А слезы текут по стеклу.

* * *

Размыло цвета побежалости
Дождями сквозяще косыми.
И стали окрестные заросли
Не так уж и непроходимы.

Покуда в безвыходной мороси
Никак не пройду к остановке,

АВТОРА!

Владимир Михайлович Волковец родился 22 февраля 1953 года в посёлке Чур Якшур-Бодьинского района Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский совхоз-техникум в Костромской области, Литературный институт им. А.М. Горького. Служил в рядах Советской Армии. Работал автослесарем на лесокombинате корреспондентом, редактором газеты. Автор многих сборников стихов. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области литературы, Всероссийской премии им. Д.С. Мамина-Сибиряка. Живет в г. Советском ХМАО-Югры.

Поймаю в рябиновой горечи
Обидный осадок размолвки.

И боль перехватит дыхание.
Однако, как с пальца колечко,
Вновь вырону воспоминание...
Уже безвозвратно, конечно.

Рыбак

Он снял с огня бурлящую уху,
Где замерло язёвое отчаянье
В великолепной пене, как во мху.
И стало возбужденнее молчанье.

Взял ложку деревянную свою.
И черпает рассеянно и редко,
Выплывывая в речку чешую —
Серебряные мелкие монетки.

Мы, выведав, что за десятки лет
Он перетер и зерна, и полу
Говорунов, каких не видел свет,
У котелка молчим беспрекослову.

Но изредка да искоса следим
За искрами под серыми бровями,
И восхищенно втягивая дым,
Берем куски и давимся словами.

Закат плывет в слоистых облаках,
Оранжев, словно дерево на сколе.
И ночь, качая лодки на волнах,
Нас убаюкивает поневоле.

* * *

Комарье завьюжило над омутom —
Непонятно, к ведру ли, к дождю ль.
Ночь в тумане, наглухо задержанном,
И в молочной спелости июль.

Где-то в облаках пошарит фарами
Ранний грузовик, гоняя тьму.
Все-то ворошу с друзьями старое,
То, что не припомнить одному.

Севером притерты и проверены,
В нас — истоки нынешних тревог...
Образ романтического времени
Выветриться в памяти не смог.

Все-то, хорохорясь, усмехаемся,
Не по силам взваливая груз.
И все чаще за сердце хватаемся,
Будто в девяностых за Союз.

Надо же, прокладывали, строили,
Согревали, зажигали свет...
А теперь, как не было в истории
Вдохновенных временем побед.

Детство

Май заселён с излишком
Свистом и щебетом сплошь.
Там за тобой по шипкам
Ходит на цыпочках дождь.

Там одуванчик длинный
В шарик пуховый одет,
Тихий такой, пугливый,
Нам не дается в букет.

Дрема паучьей пряжей
Машет в потемках двора...

Там ты без крыльев даже
Можешь летать до утра.

* * *

Хвойный ветер на бугре
Шевелит вершинами.
Расшеперились в костре
Шишки георгинами,
Закипает котелок...
Иногда так хочется,
Убежать от суматох
В дебри одиночества,
Где ни зависти, ни зла,
Ни людского гомона,
Где иголками земля
Плотно заштрихована,
Где спасает от мошки
Дым надёжной полога.
Но измучась от тоски,
От сырого холода
И безмолвности своей,
И глянешь в душу вечеру —
И скорей, скорей, скорей
К слову человеческому.

* * *

Как от ложного истинный путь,
От паденья — парение духа
В непроглядной судьбе отличить,
Оступиться, но не отступить,

Обмануться, но не обмануть
Ни врага, ни, тем более, друга?
С волчьей стай согласно завывать
Не дает мне отсутствие слуха.

Большевик

Переломил газету пополам —
Страна в раздрае, мафиях и взятках.
И заходил по крашеным полам
В носках, едва заштопанным на пятках.

Над церковью, что бурьяном поросла,
Колокола послышались как будто...
И мысль на душу грешную легла
О новом беспощадном русском бунте...

Бессмысленном, припомнил... по углам
Пошарил взглядом в поисках чего-то.
И снова посмотрел на Божий храм,
Не восстановленный с 17-го года.

* * *

Нет у России друзей —
Стало с годами понятней.
Чем с должниками добрей,
Тем кредиторы нещадней.

В эту посмотришь и в ту
Сторону — прежнее братство
Более чем нищету
Нам не прощает богатства.

* * *

Может случайно прохожий
Вынет из плотного мха
Камень на сердце похожий
И поразится слегка,
Что животворные корни
И капиллярная сеть
Нежной планеты упорны
Взялись его отогреть
И растворить в перелесье,
И рассосать под землей
Боль, обратившую сердце
В камень, оставленный мной.

* * *

Шел дождь, а думалось о снеге,
Как избавленья от ночей
С промозглым мраком, о соседе
С лукавой мягкостью речей.

Все что-то выведать пытался,
Все намекал, а по уму

Спросил бы прямо, не мотался
Между зачем да почему.

Я врал с тоски, а будь что выйдет!
И надоврался, черт возьми...
Да будет снег! Пусть все увидят
Грехи невинные мои!

Мне никогда не стать богатым,
Не жарить на костре гадюк,
Не обниматься с косопалым
И не ловить пудовых щук.

Покамест он понять стремился,
Вокруг да около кружил,
Моим цинизмом заразился,
Моею грустью загрузил.

Затосковал до онеменья.
И проклял дождь и грязь, и тьму...
Но грянул снег. И в то мгновенье
Все ясным сделалось ему.

* * *

Поземка разгладила тени, а после
Забывчиво стерла, и день посерел.
Полжизни ржавел на заброшенном поле
Комбайн еще "Made in USSR".

Там малые дети во взрослых играли.
А внуки продали на металлолом.
Неделю нас "сникерсами" угощали...
И хмуро, и пусто теперь за окном.

Не слушая наши тревожные вздохи,
Они, с головой уходя в интернет,
Беспечно живут в виртуальной эпохе,
Куда нам, колхозникам, доступа нет.

* * *

Ни ворон, ни сорок — минус сорок.
Кристаллическая светлота
Разрослась и заполнила город
От окна моего до креста.

Обомшела лыжня к перелеску.
И пока у ветров передых,
По черемухам иней вразбежку,
По оградкам врастающую притих.

До мороза дыханьем дотронусь,
А душой — до клочка синевы,
Уходящей в тоску и бездонность,
Как в отчаянье первой любви.

Как ни вьюжна зима и свирепа,
Из-за облачных лет всякий раз
В феврале возвращается небо,
Окрыляя надеждами нас.

Гроза

Не богатыйский храп
Соседа по палатке —
Гроза вспорола мрак.
И тени в беспорядке
Заполнили овраг.

От речки берега
Отпрянули внезапно.
И вольтова дуга
Соединить напрасно
Пыталась до утра.

Разбуженный сосед
Молчит, глаза тараща.
А на сто верст окрест
То темнота слепяща,
То непрогляден свет.

Как дом мой далеко!
Наполнен ожиданьем.
И мать глядит в окно.
И молнийным сияньем
Лицо ослеплено.

Арсен ТИТОВ

ДВАДЦАТЬ ДЕСЯТОЕ ЧИСЛО

новелла

Темно сегодня, и гроша смятенно шумит. Небо серое, совсем серое, словно лицо Жоры после трехдневной перегонки чачи. И ветер, будто с неба падает. Грохнется ветер к нам во двор, рванет грушу, как пес курицу, кинется вдоль забора, выгнет сливы и айвы в сторону дома Геронтия и обратно шарахнется. Нигде от него спасения нет. Вроде бы дождь при таком небе должен быть. Но нет дождя. Только ветер, и темно. Закрыв я дверь, разжег печку, миску с лобии и глиняную сковороду с кукурузным хлебом разогревать поставил. Сначала подумал сливу-чанчури прибрать — косточки вырезать, а саму сушиться разложить. Зимой — лакомство хоть старому, хоть малому. Но оставил сливу в деревянном тазу — даже трогать неохота. Вина не было. Сходил в марани, начерпал большой кувшин. Все равно ведь Жора придет. Кувшин от вина холодным стал. В такой день, подумалось, век бы к нему не прикоснулся. Посмотрел я на чачу. В прошлый раз перегнали мы с Дато ее двенадцать бутылей по двадцать литров. Грузины по двадцаткам считают — не как русские. По-русски — двадцать девять, тридцать, тридцать один и так далее. По-грузински же — двадцать девять, двадцать десять, двадцать одиннадцать... Разлили мы чачу по бутылкам. Вышло двенадцать. Оставшееся в кувшин вылили. Бутыли Дато в кухню унес, а кувшин в ручей охладиться потащил. Вернулся, а Дато стол под липу вынес и снесь-смедь расставил.

— Мишико кликни! — сказал он, а потом его к Магаро вниз послал с тем, чтобы тот сюда шел и к Шота кого-нибудь отпустил.

Соседскому Мишико шесть лет. Услужить нам с Дато он считает счастьем. Взял он доли-барабан под мышку, вставил в сандали и припустил вниз.

— Свежий сыр люблю я поесть, зубом поскрипывая! Среди девушек люблю погулять, глазом подмигивая! — заорал он песню на полдеревни.

— Брехун, — сказал вдогонку Дато. Недавно еще так было. А сегодня темно. И никто не придет.

Встал я от печки, открыл дверь, посмотрел. Если бы не старая башня, небо совсем бы нас придавило. Оно и попыталось. Но башня встала ему навстречу. Зацепилось за нее небо и на моих глазах порвалось. Часть его потащилась в ущелье к Нуниси, а часть, почернев, вдруг хлестнула косым и длинным дождем. Я вздохнул. Теперь и Жора не придет. Минуту назад я думал о его приходе с некоторым пренебрежением, мол, все равно ведь придет. Сейчас же вздохнул: теперь и он не придет! — и возликовал бы я сейчас, если бы услышал его у себя во дворе, как обычно, уже от калитки меня обличающего в каком-нибудь грехе, ну, например, в том, что пришло ненастье.

— Никогда не было раньше! — выговорил бы он мне и далее прибавил бы по-русски: — Всегда было хорошего погода!

— Даже в день всемирного потопа? — огрызнулся бы я.

Он бы в ответ отвернулся, мол, что говорить с человеком, отрицающим учение Дарвина.

Так я вздохнул и вдруг сказал: хо, а что если!.. — и еще оглянулся окрест. Ничего мне не понравилось. Косой и длинный дождь крупно хлестал вдоль двора. Ближние айвы еще держались. Сливы, стоящие за ними, уже исчезали. А башню и вообще все остальное дождь забрал себе. Не осталось ничего на месте нашей деревни, гор и неба.

— А я пойду! — сказал я.

Собрал я себя в старую одежду Дато, положил в сумку кукурузный хлеб, сыр, отгреб из таза сливы-чанчури, взял кувшин водки, представил, как Жора обязательно спросит: а джиджоли? — будто он заимодавец, а я безнадежный его должник, и пошел. Джиджоли — квашенные соцветья белой акации — были в бочке. Бочка была в марани через дорогу. И я был не должник, чтобы идти туда.

Меня хватило только спуститься к Геронтию во двор, пустой и будто поросший седой щетиной от топорщащихся навстречу дождю его собственных брызг. Еще хватило меня зайти к себе в сад. А дальше хватило только взбежать на балкон нашего нижнего дома, построенного, облегченно крикнуть и назвать себя дураком.

С трудом снял я тяжелую и разбухшую одежду, поставил обтекать в сухой угол, а сам, голый и босый, оглянулся, не видит ли меня кто, и открыл дверь в комнату.

— А? — сказали мы враз — я и еще кто-то, сначала в комнате повернувшийся ко мне, а потом отпрянувший.

— А? — еще раз сказал я, уже сидя на корточках под балконом.

Нельзя сказать, будто я ничего не понял. Я все понял. Но я так понял, что ничего не понял. Сразу с порога я понял, что произошло. Но именно оно — то, что произошло, — метнуло меня под балкон.

— А? — спросил я себя.

А в глазах у меня стояло нечто совершенное и прекрасное, только что меня напугавшее, но теперь неумолимо к себе потянувшее. Оно стояло у меня в глазах — обнаженное девичье тело, сначала повернувшееся ко мне, а потом отпрянувшее в угол. Какое оно было, обнаженное девичье тело, — красивое, стройное, полное, худое, крупное, хрупкое — я не мог сказать. Я видел его прекрасным, оттолкнувшим от себя, но потянувшим к себе с неведомой и неодолимой силой. Я сидел под балконом на корточках, озирался по сторонам, как филин, средь дня залетевший в деревню, и ничего не видел.

У меня в глазах стояло только оно — которое от страха невозможно было назвать обнаженным девичьим телом, но которое от неодолимой и притягательной силы хотелось так называть. И было во мне еще одно — я понял, хотя ничего не понял, но я понял — отныне мне не забыть этого мгновения, отныне мне всегда любить женское тело, эти ро-

зовые даже в полумраке комнаты соски, это темное место и отныне мне любить эти огромные, наливающие испугом оленьи глаза. Я понял, для чего я недавно купил ватманский альбом и карандаш — отныне мне быть художником.

Но я сидел под балконом и, как филин днем, вытаращенно оглядывался по сторонам.

— Арсен! — услышал я робкий голос с балкона.

— Господи! — хотел я зарыться в землю.

— Арсен! Я положила твою одежду в другую комнату! — снова услышал я и перевел в уме, что не слышал ни скрипа двери, ни шагов над собой.

— Не бойся! Я не выйду из своей комнаты! — позвал голос с балкона.

Я оглянулся по сторонам. Дождь обрезал деревню. Даже дом Геронтия колебался в дождевом мареве и готов был исчезнуть вслед за деревней. Одни мы оказывались в этом мире. Не было в этом мире ни деревни, ни неба, ни гор наших.

Единым махом, на цыпочках я пролетел лестницу и балкон, влетел в соседнюю комнату, нырнул в старые штаны Дато и тогда лишь, будто после глубокого омута, перевел дух. Дух я перевел и остановился столбом, не зная, что делать дальше, но на всякий случай готовый лететь вверх, в свой старый дом и там, на кухне, под грохот дождя и сердца вновь переживать и переживать случившееся, замирать от жуткого незнания того, как же мне теперь жить дальше.

— Арсен, — услышал я стук в стену.

— Господи, и имя-то мое знает! — запоздало и тупо подумал я, хотя его знали не только в нашей деревне, а и внизу в Зварэ и даже в Нуниси.

— Если оделся, можешь заходить! — через несколько минут снова услышал я.

— Зачем? — в испуге спросил я себя, но сказал: — Хорошо!

Дрожа и едва не кляцая зубами, я постучал в дверь. В углу, прижавшись к камину спиной, стояла знакомая мне девушка с улочки за старой боевой башней. Одета она была в старую фланелевую рубаху Дато, довольно изящно перехваченную бечевкой в поясе и ниспускающую ей ниже колен. Мокрые волосы были затянута в узел. Сколько я помнил, они были слегка золотистыми, а сейчас от влаги потемнели.

— Я не знала, что ты здесь живешь. Я думала, что ты живешь в старом доме дядюшки Дато! — сказала она.

— А... — открыл я рот, но тут же замолчал я, так как больше ничего сказать не мог.

— Я шла домой. И вдруг это, — она показала за окно. — Я подумала, пережду здесь. Я думала, я умру, — сказала она о моем появлении.

— Да, — сказал я про дождь.

— Если ты не против, я подожду, пока он пройдет! — попросила она.

— Да, — сказал я.

— Только ты не уходи, а то мне теперь страшно! — попросила она.

— Да, — сказал я и показал на печку: в том смысле, что ее можно затопить.

— Дождь через трубу зальет, — засомневалась она.

— Я сейчас, — сделал я движение к печке.

Она в испуге отступила в сторону. Я в испуге остановился.

— Проходи-проходи! — маленькой ладошкой пригласила она меня к печке.

Я шагнул. Она в испуге отступила. Я в испуге остановился. Я опять шагнул. Она опять в испуге отступила. Я опять в испуге остановился.

Так, сторонясь друг друга, прижимаясь к стенам, мы, словно в танце, поменялись местами. Она прошла к двери, а я — к печке. В трубу действительно нахлобачили дрова повлажнели, но не столько, чтобы нельзя было развести огонь.

— А ты знаешь всю деревенскую работу! — сказала она.

Я пожал плечами, мол, экая невидаль.

— Но ты же живешь в большом городе и ты историкос! Сначала о тебе в деревне думали, что ничего не умеешь. А потом увидели, что умеешь. Теперь говорят: историкос, а работает, как простой крестьянин! О тебе все в деревне говорят хорошо. Только немного смеются над вашей дружбой с дядей Жорой! — сказала она, а потом сказала: — А я поступила в педагогическое училище. Вчера у нас было первое собрание. А сегодня я электричкой приехала, очень спешила от станции успеть до дождя. Но вот...

Когда огонь осмелел, осмелели и мы. По-прежнему сторонясь друг друга, мы натянули перед печкой веревку и развесили по ней одежду. Вернее, развешивала только она, и только свою одежду. А я, разволнованный от одного представления, что эта одежда касалась ее, отвернулся к окну — якобы меня занял вопрос, как там обстоит с дождем. И потом я все время избегал смотреть на веревку, хотя избегать совсем не мог и отмечал, что не все из одежды на ней висело. Представление о той части одежды, которая на веревке не висела, повергало меня в лихорадку. А дождь если и занимал меня, то совсем с другой стороны. Мне стало не нужно, чтобы он прекратился. Шел же он как-то сорок дней и сорок ночей. Почему бы не повторить ему все снова.

— Садись ближе к огню, ты же замерз! — пригласила она.

— Нет, ничего, — отказался я.

— В кувшине вино или водка? — спросила она.

Я, наконец, вспомнил о сумке и кувшине. Они стояли у окна, причем кувшин клювом отвернулся в угол, будто тоже стыдился оглянуться.

— Водка, — сказал я.

— Так гость от Бога! — сказала она.

Я вдруг вспомнил — наверное, стал приходить в себя — я вдруг вспомнил местную легенду об охотнике и рыжей лесной царице, женщине необыкновенной красоты, встреча с которой обычно ничего хорошего охотнику не предвещает. Она обычно является с охотнику в дом в отсутствие его жены. И горе ему, если он жене об этом проговорится. Хотя, если не проговорится, тоже горе. Если проговорится — вскоре же сойдет с ума. Если не проговорится — эта рыжая красавица замучает его своей любовью.

— Пусть замучает, — подумал я с тем смыслом, что я все равно теперь не знаю, как жить.

— Если мы не выпьем немного, то заболеем и умрем, — сказала она.

— Вот так же, наверное, начинает и та красавица, — подумал я, но вслух сказал, что у меня есть и закуска, а потом опять перевел в уме, что я ничего из происходящего не понимаю — недаром с утра прицепилась к нам непроглядная тьма.

— Но нет ни стола, ни стульев, вообще ничего у тебя нет! — сказала она и поправила: — Хотя нет, вот что у тебя есть!

Она взяла из альбома листок ватмана, постелила на пол, расставила снесь из сумки и преспокойненько, как дома, села рядом, поджав ноги и спрятав их под полой рубахи. На один миг мне лучом блеснула белизна ее кожи выше колен. В следующий миг она запахнула разрез

и повела над столом маленькой своей ладошкой:

— Угощайтесь!

Я опустил на колени, покорно взял стаканчик. В пустой голове прогудели хвастливые слова тех из моих товарищей, у которых уже было, и, по их словам, начиналось это у них все примерно так, как сейчас.

— Никогда, то есть только не сейчас, то есть ни за что, то есть ничего не знаю! — сказал я себе, а вслух сказал: — По-дожди, девушка. Разве можно тебе пить водку?

Обращение «девушка, женщина, парень, мужчина» в грузинском языке не имеют русского официального или уничижительного оттенка и звучат не только естественно, но и ласково.

— Имя мое Маквала, но все зовут меня Мака. Мне шестнадцать лет. И один стаканчик в такую погоду, — она повела стаканчиком за окно, — мне уже можно!

Я вспомнил тетюшку Элико, жену Дато. В слякоть она тоже не стеснялась выпить из графинчика, где у нее водка была с лепестками розы.

— Иф! — весело морщилась она при этом.

Я выпил после первого стаканчика еще три, а она выпила только один. Обоим нам стало легче. То есть мне стало легче, а она и без того, кажется, вела себя свободно. Она вообще выходила храбрее меня. Потихоньку мы разболтались.

— О себе я все уже рассказала. Расскажи ты о России, о студенческой жизни и своей истории, — попросила она.

Я начал рассказывать. У меня вышло так, будто Россия — это величайшая экзотическая страна, студенческая жизнь — это величайший экзотический период в жизни человека, а история — это величайшая экзотическая наука.

— Вот, в России можно проехать тысячу километров и не встретить ни одной горы! — говорил я, и это выходило экзотикой. — Вот, у нас в комнате жил студент, который проспал целый семестр и проснулся только к сессии! — говорил я, и это выходило экзотикой. — Вот, древний человек при изготовлении кремневого орудия, чтобы только отколоть одну чешуйку, должен был надавить на одно и то же место тысячу раз! — говорил я, и это выходило экзотикой.

Печка наша погасла. Снова ее разжигать вдруг нам стало лень. Мы решили, что угли и без того дают хороший жар. Она проверила свою одежду на веревке, признала ее не вполне высохшей. Оба раза, когда она вставала и садилась, я находил себе причину отвернуться. Но это у меня выходило так ловко, что мне удавалось, говоря высоким слогом, лицезреть на миг открывающую ее мраморно белые колени полу рубахи. И опять я не мог определить, красивы ли ее колени, красива ли она вообще. Я только хотел бесконечного своего испуга перед ней, перед тем притягивающе пугающим, что я увидел, ступив на порог.

— Я знаю одну Маквалу. Она была у дедушки моего Таро! — сказал я.

— Им обоим не было счастья! — сказала она.

— Если счастье — это что-то другое, а не пугающее и притягивающее, которое я постиг сегодня, то мне его совсем не надо, — перевел я умом, вслух же спросил, когда она уезжает на учебу.

— После завтра, двадцать десятого числа! — сказала она грузинским исчислением, означаящим по-русски число «тридцать».

Я признал это невозможным. Мне становилось совсем незачем жить. Я решил сегодня же все рассказать Жоре, а потом сойти с ума.

— Тсс! — вдруг приложила она пальчик к губам.

И я услышал, что дождя нет — лишь по крыше умиротворенно, будто отдыхая от тяжелой работы, продолжали стучать капли с нависающих веток. Я оглянулся на окно. За ним разливался чистый и яркий день.

— Тсс! — снова сказала она, может быть, полагая, что я встану и пойду на балкон.

И вместе со вторым ее «тсс» от изгороди мы услышали Жору.

— Эй, парень, здесь ли ты? — проскрипел он.

— Не откликайся. Может быть, уйдет! — превратилась она в испуганного оленя, но не растерялась.

Я знал Жору.

— Нет, — сказал я. — Я уведу его. Иначе он обязательно зайдет.

Я не видел ее взгляда. Я вообще ничего не видел. Я встал и вышел на балкон, как на расстрел. Она не шелохнулась. Я увел Жору наверх, поставил ему стол. Он выпил два стакана водки и сказал, что у него ко мне есть большое дело, которое он, однако, доверить мне пока не может. Мне же надо было в нижний мой дом. Я знал, что застану его пустым — для того я и уводил Жору. Но сердце, как синица, которая, как известно, не может жить в неволе, билось в грудную клетку. И с каждым ударом я ждал — вот-вот лопнет.

— Говори, если мужчина. И я пойду с тобой делать твоё большое дело! — сказал я.

А он не говорил. Он только говорил, что покамест не может доверить такого большого дела даже себе.

— Значит, ты враг народа! — рассердился я.

— Это почему? — прищурился он.

— Советские люди доверяли товарищу Сталину, как самим себе. А ты себе не можешь доверить. Значит, ты не мог бы доверить товарищу Сталину. Акто тот человек, который не доверял товарищу Сталину? — безжалостно сказал я.

— Налей! — осознал гибельность положения Жора. — Налей, и я пойду!

— Точно я сошел с ума! — обругал я себя, а Жоре сказал: — Нет, Жора, не уходи. Ничего не бойся. Я буду с тобой рядом и в радости, и в горе!

Мы выпили и вместе сходили за джинджоли.

— И все-таки пока я не могу даже себе доверить такое большое дело, — сказал Жора.

— А мне? — спросил я.

Он снова вприщур посмотрел на меня.

— Ты хотя и ходишь в старых штанах Дато, но ты мне напоминаешь товарища Сталина. Тебе доверю. Но доверю иносказанием. Скажи, какую песню постоянно поет ваш парнишка Мишико?

— Понял! — сказал я. — К тебе приходила лесная царица!

— Йиэхх! — запыхал он взглядом, вслед застенялся, потупился, вдруг сорвался с места и лишь успел проскрипеть кирзачами по балкону, а уже сбрыкала за ним калитка.

— Вот так! — неизвестно о чем сказал я и тоже сорвался с места.

Комната была пустой. Посуда была прибрана. В печке была зола. Отвязанная веревка лежала подле. Ничто не напоминало о моей лесной царице. Лишь мрамором ее колен светился листок ватмана. Я сел на сырые ступеньки балконной лестницы и долго смотрел на

14 октября сего года замечательному прозаику, сопредседателю АСПУР и Союза российских писателей Арсену Борисовичу Титову исполнилось 65 лет. Редколлегия «БМ» сердечно поздравляет нашего друга и коллегу с юбилеем. Желаем кавказского долголетия, уральского здравья и новых книг!

кукурузу, уже отдавшую початкам молоко, смотрел дальше на сливы по меже, на часть утонувшей в садах улочки, на бескупольную церковку на противоположном склоне горы, на вершины, на чистое и совершенно в своей чистоте мне не нужное небо. Трудно было сказать, зачем я жил до этого дня и зачем нужно было жить дальше.

Я пошел забрать мою мокрую одежду и зашел в комнату. Лист ватмана снова посветил мне. Я усмехнулся и поднял его положить в альбом. «Завтра в полдень иди по дороге на верхние покосы», прочитал я.

Говорили, мой предок Таро некогда спас девушку по имени Маквала. Он пашно не пахал, виноградник не сажал, дом не строил. Он всю жизнь воевал на чужбине. Маквала всю жизнь его ждала. Ни ей, ни ему не было счастья.

А если счастьем считать оставшийся день и длинную в полудреме ночь и еще полдня, а потом полет на верхние покосы, лес на полдороге я услышал голос гдней царицы, и робкое мое приближение к ней, и медленное, будто столетью длящееся приближение ко мне ее ладошки с несколькими крупными ежевичинами, и долгое бессловное, но многоречивое блуждание по пахнувшему вчерашним дождем лесу, и всеохватный сладкий страх нечаянного прикосновения друг к другу, и жгучее ожидание этого прикосновения, и мимолетный трепет ее ресниц от пойманного моего взгляда, и ответная заячья дрожь взгляда моего, и блики пробивающегося сквозь лес солнца, тонущие в ее волосах, и затаенное ее дыхание, когда мы, наконец, остановились друг подле друга, и биение ее сердца, отдающееся мне, и персиково-шелковая нежность ее щеки под моей ладонью, осмелевшей и готовой тут же обуглиться от своей смелости, и ее короткий едва слышный, но оглушающий стон от последующего прикосновения к ее щеке моих губ, и обещание друг другу быть с этого мгновения вместе всегда, и вдруг вернувшая нас в действительность мысль о злом завтрашнем двадцать десятом числе, — если это счастье, то я его не испытал.

Я был на дороге к верхним покосам и вечером вернулся ни с чем. Я лежал ничком на тахте, не зажигая свет. Мишико принес от нее записку: «Я не смогла. Вот мой адрес в училище. Я буду ждать твое письмо, — и по-русски: — я буду ждать тебя».

Двадцать десятого числа она с отцом прошла мимо нашего дома. Двадцать одиннадцатого числа я ушел на станцию сам, хотя собирался оставаться в деревне до сбора винограда и, более того, обещал Жоре помочь в его очень большом деле. Двадцать тринадцатого числа я был в холодном нашем городе и писал ей: «Лесная моя царица...» — она стояла передо мной. Я жил и болел ею. А ответа от нее не было. Прошло два двадцать десятое и четыре двадцать десятое число, то есть прошла осень. А письма от нее не было. Я ничего не мог делать. Я только жил и болел ею. Я каждое утро и каждый вечер читал ее записку, а весь остальной день ходил и бубнил: «Ме гелодеби шени церили, то есть: я буду ждать твоего письма, — и по-русски: — Я буду ждать тебя!» Я жил и болел ею. Я провалил защиту диссертации. А ответа не было. Она забыла меня. Она забыла меня — наверно, потому, что она была лесной царицей, сводящей с ума и мучающей.

— Напиши еще раз! — просили меня друзья.

— Нет! Она лесная царица! — говорил я и видел ее с другим.

— Поезжай туда! Заодно привезешь чачи! — говорили друзья и пытались соблазнить меня возможностью доставить им удовольствие.

— Чачу привезу, но к ней не пойду. Она лесная царица! — говорил я и видел ее с другим.

Темно было у меня в ту осень и в ту зиму.

Улыбнулся я только к весне. Переодеваясь из зимней одежды в весеннюю, я запустил руку в карман плаща. В кармане меня ждало мое письмо к ней, то мое письмо, ответ на которое я ждал.

Встретилась мне через пять лет. Она шла мимо нашего дома. Тяжелая корзина и две девочки-дочки сильно стесняли ее движения. Но я не мог помочь ей.

ПОЛОЖЕНИЕ о Литературной премии Уральского федерального округа

при поддержке полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе

I. Общие положения

1. Настоящим положением регулируется порядок присуждения Литературной премии Уральского федерального округа (далее — Премия).

2. Премия учреждена Ассоциацией писателей Урала и Правлением Ханты-Мансийского банка при участии аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.

3. Присуждение Премии осуществляется при поддержке полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.

5. **Миссия Премии:** сохранение и развитие традиций отечественной художественной литературы.

6. **Цель Премии:** привлечение внимания широкой общественности к произведениям современных авторов, обладающим художественной ценностью и направленным на формирование в обществе нравственности и патриотизма.

7. Задачи Премии:

1) создание ярких литературных образов Урала и Сибири;

2) создание положительных образов героев современности;

3) стимулирование литературного творчества современных писателей.

II. Организационное обеспечение премии

8. Проведение конкурса на соискание Премии осуществляется организационным комитетом, формируемым учредителями Премии.

Организационный комитет выполняет следующие функции:

1) осуществляет сбор заявок от соискателей Премии;

2) формирует жюри Премии, которому передает утвержденный список соискателей и их произведения;

3) организует и проводит церемонию награждения лауреатов Премии.

9. Жюри Премии формируется из авторитетных деятелей в области литературы и литературной критики, представителей общественных объединений и органов власти.

Жюри Премии рассматривает произведения соискателей в соответствии с утвержденным оргкомитетом списком и выносит решение о присуждении Премии.

Произведения членов жюри Премии не могут быть выдвинуты на соискание Премии.

Состав жюри Премии обновляется каждые два года на одну треть.

10. Состав жюри, список соискателей и лауреатов Премии доводится до сведения общественности через средства массовой информации.

III. Условия

присуждения премии

11. На соискание Премии могут приниматься произведения различных литературных жанров и форм, опубликованные за последние два

года перед присуждением премии (с 1 января предыдущего года по 31 декабря текущего года).

12. Выдвижение соискателей на Премию осуществляется подразделениями Союза писателей России и Союза российских писателей, литературными ассоциациями, музеями, библиотеками, учебными заведениями, редакциями литературно-художественных журналов, книжными издательствами, другими организациями, а также организационным комитетом Премии.

13. Для включения автора в список соискателей Премии в организационный комитет Премии представляются следующие материалы:

а) сопроводительное письмо-заявка или выписка из протокола общего собрания (заседания правления) выдвигающей организации;

б) анкета соискателя (Ф.И.О., адресные и паспортные данные, краткая творческая справка);

в) три экземпляра выдвигаемого произведения в печатном виде и 1 — в электронном;

г) статьи, рецензии, отклики в прессе, посвященные соискателю и его произведению (по возможности).

14. Заявки на соискание Премии принимаются организационным комитетом с 1 октября текущего года по 15 января следующего года, после чего утверждается список претендентов. Конкурсные материалы передаются в жюри Премии.

Прием заявок осуществляется по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12, Ассоциация писателей Урала (на Литературную премию УФО). Телефон (343) 371-12-06, факс (343) 246-66-32. Обязательно выслать электронный вариант книги по адресу: kerdan@ru66.ru

15. Победители конкурса в пяти номинациях объявляются Лауреатами Премии.

Каждому из пяти лауреатов Премии вручается денежное вознаграждение (сумма по решению Оргкомитета), диплом и нагрудный знак премии.

17. Церемония вручения Премии приурочена к Международному дню писателя, отмечаемому ежегодно 3 марта.

РЕКЛАМА

Издательство «АсПур»

предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора текста, верстки, дизайнерских работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов: афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги. С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Адрес издательства: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
E-mail: aspurizdat@mail.ru

Телефоны издательства:
(343) 371-12-06, 216-11-63,
8-912-22-604-92.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1. Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
2. Вся верстка выполняется на платформе РС.
3. Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
4. Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
5. Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все мзображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
6. Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

№3 (36)

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 2013
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТЕРРИТОРИИ
УРАЛА, СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ
**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

Екатеринбург: Кердан А.Б.
главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;
Бриль Ю.Г.

Заместитель главного редактора;
Титов А.Б.
председатель отделения
Союза российских писателей;
Касимов Е.А.
председатель отделения
Союза писателей России.

Барнаул: Кирилин А.В.
председатель краевого отделения
Союза писателей России

Ижевск: Загребин Е.Е.
председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Кемерово: Бурмистров Б.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров: Сырнева С.А.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган: Филимонов В.И.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Муравленко: Овсянников А.В.
председатель окружного отделения
Союза российских писателей

Салехард: Ефремова Л.Г.
председатель окружного отделения
Союза писателей России

Нижневартовск: Александрова М.А.
председатель городского содружества
писателей

Новосибирск: Шалин А.Б.
председатель отделения
Союза писателей России

Омск: Ерофеева-Тверская В.Ю.
председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург: Молчанов В.М.
председатель регионального
отделения Союза российских писателей
Краснов П.Н.

председатель отделения
Союза писателей России

Пермь: Якушев В.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар: Козлова Е.В.
председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Томск: Скарлыгин Г.К.
председатель правления областного
отделения Союза писателей России.

Тюмень: Денисов Н.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России;
Данилова-Пушкарь О.И.
президент Тюменской ассоциации
литераторов;

Шамсутдинов Н.М.
председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: Мизгулин Д.А.
председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск: Белозерцев А.К.
председатель областного отделения
Союза писателей России;

Шишов К.А.
председатель организации
Союза российских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075,
г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
«Ассоциация писателей Урала».

E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.

Электронный архив газеты:

www.ayac.narod.ru/ursa/
Контактные телефоны:

(343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Переписка материалов и предоставление справочной информации только по специальному согласованию. При создании логотипа издания использована гравюра Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз. Отпечатано в типографии
ООО «Режевской Печатный Дом»
г. Реж, ул. Красноармейская, д. 49.
Тел. (8-3436) 42-15-32